

Номинация: 1. Пьеса.

Н. БЕРСЕНЁВ

НЕДОЛГОЕ ГОЩЕНИЕ.

Драма в трёх частях.

Действующие лица.

КОКОРИН Иван Васильевич – бывший рабочий 67 лет, носит усы, бодр, довольно высок и худощав.

УЛЬЯНА САВЕЛЬЕВНА – его жена, добрая женщина с ровным голосом, озабоченная состоянием духа приехавшего погостить сына, младшенького.

АНАТОЛИЙ – их сын, рослый и самоуверенный молодой предприниматель.

ЗИНАИДА – их средняя дочь, вся расфуфыренная. У неё крохотный лоб и цепкие светлые глазки, острый носик, все её черты направлены как бы для того, чтоб оцарапать ваше внимание, рысье лицо.

АНТОНИНА – молоденькая женщина, почти девушка, стать и посадка головы горделивые. Смотрит по доброму и ко всем внимательна – внимает и переживает. Глубокий волнующий голос.

ПЁТР – товарищ Ивана по работе и жизни, лысоватый, плотный мужик с медлительной и рассудительной речью.

САНЬКА – знакомый по детству Анатолия парень, несколько старше его, живущий на одной с ним улице. Сухопарый и рыжий, говорит глухим, но доходчивым голосом. Не заискивает.

МАРФА – соседка Кокориных, неглубокая ещё старуха, служащая в церкви. В белом платочке.

ФЕДЯ КОЗЫРНОЙ – местный бизнесмен, бритоголовый господин с безразличным выражением лица.

ОКСАНА – красивая свежая женщина с капризным голосом и баловливой походкой.

ПРОНЫРА – вертлявый вороватый мужик с крупноносой небритой рожей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Эпизод первый.

На переднем плане нововыстроенный дом из сосновых брусьев. Он довольно широк, с открытой верандой, под двускатной крышей чуются обширные летние комнаты и выдвинут наружу балкон. Слева виден кусок старого почерневшего домишки. За домом вдалеке вырисовываются пяти и девятиэтажные коробки жилых городских строений.

Перед домом старый дощатый забор, в нём калитка. Справа от дома с десятков плодовых деревьев, а вдоль забора кусты шиповника, аронии и облепихи. У калитки широкая скамья, перед ней натоптанная дорожка. Где-то в стороне большая дорога, с неё слышится машинное движение.

Утро, конец мая, деревья и кусты уже слегка зазеленели. На скамье сидит Иван в рабочей одежде и шелестит свежей газетой, читает. У калитки видны черенки лопаты и граблей – человек совершил утреннюю работу и вышел на волю отдохнуть, сунуть нос в газету и, если удастся, перекинуться словечком с кем-нибудь из проходящих.

По дорожке идёт соседка Марфа.

МАРФА. Здравствуй, Иван. На солнышко вылез погреться?

Они позволяют себе подтрунивать друг над другом, как долго живущие рядом люди.
ИВАН. Здравствуй! Ты, Марфа, с утренней службы идёшь с таким благодным лицом, будто с самим богом повидалась...

1

МАРФА. А тебе обязательно надо подковырнуть, газетный ты червь...

ИВАН. Какая подковырка! Завистно...

МАРФА. А разве молитва не разговор с богом?

Иван даёт ей место и она присаживается с ним рядом.

МАРФА. Сам подумай. Раньше-то в Зареченскую на трамвае пилишь-пилишь, потом ещё ножками пёх-пёх да в густоте молящихся – ведь церквушка-то на весь город одна была!- часа три выстоишь, ну какая тут благодсть... До постели бы доползти... А теперь вот она, церква-то, на ладошке!

ИВАН. Да... С постройкой церкви вся наша местность будто гуще солнцем осветилась. А колокольный звон будит чистое чувство...

МАРФА. Ну вот, чувствуешь... Понимаешь! А в храм ты не ходок. Хоть и взялся, твоя Ульяна сказывала, библию осилить..

ИВАН. Ну, кто её осилит!

МАРФА. Это правда. Кладезь бездонный...

ИВАН. А в церкви я бываю. Только всегда ловлю себя на том, что меня всё время её позолота отвлекает. Молитва на душу не ложиться...

МАРФА. Это от того, что редко бываешь. Лики святых тебе в диковинку. Дома спасайся, а в церковь ходи...

ИВАН. Может быть... (какое-то время молчит) Вот Иисус как-то вошёл в храм и увидел торгующих в нём. Он прогнал их со словами: Это дом молитвы!

МАРФА. Ты это к чему?

ИВАН. Повсеместная коммерция и в церковь лапу протянула...

МАРФА. Надо же на что-то храм содержать!

ИВАН. Это-то я понимаю. Ты вот Люцию Францевну знаешь, старушку седенькую? Вон в той пятиэтажке живёт...

МАРФА. Учительница одинокая, бедствует она...

ИВАН. Не знаю, была ли она раньше коммунисткой, а только на старости лет надумала окреститься. Подсчитала, а пенсиюшка-то её не позволяет! Это что же, беднейшие от бога отлучены?

МАРФА. Ты бога-то не хули! Надо было ей к батюшке подойти...

ИВАН. Стыдно ей. Гордая она. Не пойдёт!

МАРФА. В церковь идёшь, так гордыню-то надо смирать. Ну, да я её саму сведу.

ИВАН. Вот и ладно. А то на душе как-то неловко...

Оба молчат и не тяготятся этим.

МАРФА. С картошкой управились?

ИВАН. Только что последний клин досадил и вот вышел посидеть.

МАРФА. Мои с работы придут, так всем гамузом нападём

ИВАН. Мы маленько торопимся. Анатолий сулился приехать погостить...

МАРФА. Помню его, славный парень был. Все, бывало, любовались им... (поджав губы) А ты знаешь, что твой Анатолий на церковь пожертвовал значительную сумму?

ИВАН. (ошеломлён) Кто? Толька? Будет врать-то! Не может того быть...

МАРФА. Отец Сергей так и выразился: Значительную! И палец кверху поднял... А ты что всполошился-то?

ИВАН. Так ты сама посуди. Молодой парень с немалыми деньгами жил в одиночку... Наверное, предавался столичным удовольствиям! А тут хлоп – пожертвование на церковь...

МАРФА. Ну и что. Путному началу благой конец.

2

ИВАН. Ох, тут что-то не так. Ты, Марфа, Ульяне пока не говори...

МАРФА. Ну что ж. Это дело вашей семьи, а я на слово крепкая... А на чём Анатолий-то разбогател? Ты не обижайся, я в простоте сердца спросила... У нас ведь как – из-под носа кус утянет да и весь лоснится от счастья. Собачья это радость!

ИВАН. Он ведь уехал, когда кооперативы силу набирали. Ну и, как я понимаю, в струю попал...

МАРФА. У нас ведь кто в богатеи-то вышел – головка комсомолии да бывшая шпана... Вот ведь до чего жизнь издермилась! А тебе радоваться надо. Душа сына к богу повернулась.

ИВАН. Вот то-то и оно. А что повернуло? Уж больно на Тольку не похоже. Ну да вот приехать должен.

МАРФА. Батюшка встретит его с благодатью...

ИВАН. Э-э-э... Да не в деньгах дело! Что-то тут не так...

МАРФА. Во взрослые годы входит парень. Память у него оживилась благодарная.

ИВАН. Он ведь, когда кончил экономический, всё – В Москву! В Москву! Тут денег не заработаешь, с голоду подохнешь... Деньги от дома умершей бабушки на карман да и рванул...

МАРФА. А деньги на этот вот дом не он ссудил?

ИВАН. Строй, говорит, чтоб графу было не стыдно! А я, видишь, что слепил. Попадёт мне от него...

МАРФА. Ну ладно. (встаёт) Стало быть ждёте молодца...

Входит Пётр с рюкзаком и велосипедом, кивает им головой.

ПЁТР. Кого ждёте? Уж не Анатолия ли?

ИВАН. Может сегодня и явится. Ждём.

ПЁТР. А что такой не нарядный?

ИВАН. Так ведь сроку не знаем. (Марфе) К Ульяне не заглянешь?

МАРФА. Нет. Надо часок вздремнуть после бдения. К себе подрепшотю...

ПЁТР. (смеётся) Это как?

МАРФА. А это, милые мои, когда сама вроде рвёшься вперёд, а ноги отстают...

ИВАН и ПЁТР. (посмеиваются) Это и с нами бывает!

МАРФА. Ну, какие ваши годы...

Уходит.

ПЁТР. А ты, Ваня, какой-то сумной. Будто не рад сыну...

ИВАН. Чую, другой человек приедет. В каком котле он эти годы варился... Страшно подумать!

ПЁТР. Ну, твой Анатолий господин своему капиталу. Не слуга... Другие вон чумеют от этих денжищ...

ИВАН. Не знаю на что и подумать. Ему сопутствовала удача. Это так. Видимо, деньги удачно вложил. Я у него не был... Зинаида, дочь, была, а я не был.

ПЁТР. Что так?

ИВАН. Душу боялся разбередить. Он ведь не женат, детишек не нажил. Целый день на работе, в тормошне. Ну что мне там делать?

ПЁТР. Так один и живёт?

ИВАН. Зинка в его загородном доме была. Сам коттедж ей понравился, только в нём, как я понял, жилым духом не пахнет. Мечется по многочисленным комнатам какая-то стерва в развевающимся халатике...

ПЁТР. Я б, Ваня, поостерёгся так выражаться. Ты ведь не видел её, а это тоже чья-то дочь...

ИВАН. Ты прав, Петро. Пусть привозит, как дочь примем... (молчит) Сам он за десять-то лет раза два налётом бывал. Ключет нас с Ульяной в щёку, потопчется в передней: Живы? Здоровы? Ну и ладно. У меня дела в области. И только за ним пыль завьётся! Ни разу не заночевал...

3

ПЁТР. Они ведь жизнь-то за её сиюминутность принимают...

ИВАН. Вот. Не осознают в суете обогащения и потому не могут понять, что их продолжение в детях...

ПЁТР. (раскуривая сигарету) Всё вроде некогда...

ИВАН. У тебя вон внучка при тебе, а мои где внучонки? Зинка не рожает – обарахлиться надо, квартиру поширше, машину покруче... Анатолий в делах погряз. Ладно, Ксеньюшка, старшая, двумя обзавелась. Только где они? Разве к ним наездишься...

ПЁТР. Ксения не обещалась?

ИВАН. Если Толька не накоротко приедет, может и соберётся...

Молчат, Пётр курит.

ПЁТР. (вздыхает) Да-а... Время немилосердное... Если не по башке, так по шее лупит! Приехал я на дачу, Ваня, а из моей баньки печь вместе с котлом выворочена и через пролом в заборе вывезена...

ИВАН. Вот, сволочи! Ничем не брезгают... (в гневе комкает газету и всматривается в друга) А ты как-то так... Без чувств... Перегорел, что ли?

ПЁТР. Видно, был душевно подготовлен, Ваня, всей нашей грязно текущей жизнью. Ведь повсеместно грабят! Вот и ждёшь, что не сегодня-завтра ударят в тебя...

ИВАН. Это ты в точку попал...

ПЁТР. У меня вон сосед Проклов со швейной фабрики движок спёр. Да мне же и похвастался. Я головой покачал, а он мне с такой это злостью: Сашка Маразмов вон у города из-под носа целый завод украл! А мне сам бог велел... Надо же как-то кормиться!

ИВАН. Вот и весь ответ. Что можно к этому добавить?

Подходит Зинаида, крикливо одетая женщина.

ЗИНАИДА. Привет, дядь Петь! Пап, вы хоть готовитесь к приезду своего единственного?

ИВАН. А чего готовиться-то. Не иностранец какой едет, а сын!

ЗИНАИДА. Ой, да что с тобой говорить... Вечно ты... (машет на отца рукой и через калитку идёт в дом)

ИВАН. (возвращаясь к разговору) Я вот заметил, Петро. На улицах и в трамваях всё больше разговаривающих самих с собой людей...

ПЁТР. Жизнь ушибла. Не все ведь привыкли фуфлыжничать и жить путём изворотов...

ИВАН. А страшной всего, завели обычай низенько деньгам кланяться... Вон у нашего городского толстосума Зуева деньги отними, что от него останется? А ведь в депутаты прошёл!

ПЁТР. Извернувшись, прошёл...

ИВАН. Гоголь как-то горько так обронил: Человек так быстро скотинится, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольстве...

Задумываются мужики.

ПЁТР. М-да... Разбередили мы друг друга. (смеётся) Пойду домой додумывать! Забегу как-нибудь взглянуть, каким Анатолий стал...

ИВАН. Безо всяких приходи, сразу же... Слышишь?

Пётр уходит.

ИВАН. (задумавшись) Это и мне любопытно, каким Толька стал... Ведь не старик, какие у него грехи? Не от чего ему очищаться. Тогда к чему это пожертвование? М-да...

Эпизод второй.

Внутренность широкой и большой комнаты в новом доме, двери – входные, в столовую и комнаты отдыха. Обставлена по современному: толстомясые уголок с креслами, подвесной потолок с подсветкой, вазоны с крупными цветами на полу, стол из толстого стекла.

4

Зинаида и мать её Ульяна.

ЗИНАИДА. (ходит по комнате, всё по хозяйски осматривает и трогает) Знаю я вас, вы у нас добренькие. А это не по времени. Теперь нельзя быть размазнёй...

УЛЬЯНА. (смиренно) Мы с папой, кажись, жизнь прожили. Знаем, что и как нам делать...

ЗИНАИДА. Не утром, так вечером Толик нагрянет. Надо подготовиться. Лицом в грязь не ударить!

УЛЬЯНА. Никак позвонить должен, сообщить о приезде...

ЗИНАИДА. У них это необязательно. Упадёт, как снег на голову!

УЛЬЯНА. Ну что ж, он сын нам. Угостить есть чем, комнаты для отдыха – вон они, ты постаралась...

ЗИНАИДА. Сын, да, но не ларёчник какой-нибудь! Я вот за папку боюсь. Больно он прост и не воздержен, ну просто деревенщина какая-то... А ведь книжку написал, в газете прошла похвальная информация, а он остограммится, ходит по городу и с каждым встречным невесть что болтает языком... Нельзя так ронять себя!

УЛЬЯНА. Папа жизнь тут прожил, у него много знакомых. Разве пройдёшь мимо!

ЗИНАИДА. Ха! На днях с полчаса с торговкой семечками трепался. Чего у них может быть общего?

УЛЬЯНА. (уходя от неприятного ей разговора) Ты лучше скажи, зачем ты вот эту вазу купила. Я боюсь мимо пройти, не дай бог упадёт и разобьётся...

ЗИНАИДА. (жеманно) Питаю слабость к красивым вещицам...

УЛЬЯНА. Ничего себе вещица в три тысячи...

ЗИНАИДА. Толику будет приятно. А вы при сыне не сильно храбритесь. (тихо) Можно и прибедниться. Он вам не откажет!

УЛЬЯНА. (вздыхает и с жалостью смотрит на дочь) Я, Зина, прямо боюсь за тебя. Какая-то ты стала жадной и злой. А ведь сердце злого шерстью обрастает...

ЗИНАИДА. А вот по головам добреньких нынче в сапогах ходят. Это теперь как бы ступеньки к успеху!

УЛЬЯНА. И с Васей своим больно строга. Всё ты на него ополчаешься, кричишь! А доброе-то слово в душу дверь... Мама моя, твоя бабушка Таисья, часто говаривала: Люби не люби, да почаще взглядывай! Ты же мужа своего аж за полярный круг за деньгами услала... А у него ноги пухнут.

ЗИНАИДА. Ну, а тут заработать можно? Скажи, можно?

УЛЬЯНА. Больно он мягок у тебя и на уступки скор... Мне его жалко.

ЗИНАИДА. Мужик он у меня простой, не оборотистый. Его надо на дорогу наставлять... И ничего с ним не сделается, заработает и приедет... А вот вам с папкой не мешало б поплакаться перед Толиком. Не обедняет!

УЛЬЯНА. Ой, да у папы ещё от дома осталось. Куда нам?

ЗИНАИДА. Он не разорится, а эти деньги мы сумеем употребить!

УЛЬЯНА. Это надо у Анатолия спросить.

ЗИНАИДА. Нечего и спрашивать. Он про них давно забыл. (строго) И подберитесь с отцом. Надо подать себя подобающим образом. Приоденьтесь, ведь есть что одеть... А то я видела тебя на рынке. Ну что за непрезентабельный вид! Старенькое пальтецо, какой-то платочек на голове...

УЛЬЯНА. (горько) Видела и не подошла...

ЗИНАИДА. (с вызовом) Потому и не подошла!

Иван стоит в дверях и слышит последние слова.

ИВАН. Вот до чего дожили мы с тобой, Уляша! Стыдятся нас... А вот мне любо видеть жену свою в платочке...

ЗИНАИДА. (осторожно, боясь вспышки отца) Я только хотела сказать... Зачем напускать на себя выражение какой-то несвежести и запущенности...

5

ИВАН. Мама у нас смотрит за собой. Если я увижу неряшливость, так я напому ей. А ты лучше смотри за собой! Уж всем известно, какой у тебя волчий рот и лисий хвост...

ЗИНАИДА. Пап, как ты можешь!

ИВАН. (прикрикивает) И ты, Зинка, не вздумай при встрече Анатолия корить за прежнее. Что было, то прошло!

ЗИНАИДА. Всё... всё... Договорились.

ИВАН. Вот. Он нам сын. Поесть и выпить у нас найдётся. Что зря тормошиться!

Зинаида отходит к окну и что-то там делает с цветами.

ИВАН. (тихонько Ульяне) Сейчас Марфа доверилась мне, что сын наш Толька сколько-то там денег на церковь ссудил. Батюшка ей проговорился...

УЛЬЯНА. (всплёскивает руками) Толя? Церкви? Ой. Что-то неладно с ним, Ваня...

ИВАН. Может и не от худа это. Память освежилась. Нас с тобой вспомнил... Родные места...

ЗИНАИДА. Что вы там шепчетесь? Пап, я только хочу попросить, чтоб ты был посдержанней. Не задирай Толика...

ИВАН. Ты меня знаешь. Что думаю, то и говорю. Кому от этого худо?

ЗИНАИДА. Толик может обидеться и уехать. Развернётся и – поминай, как звали! А он дома не был десять лет...

УЛЬЯНА. Правда, ты, Ваня, того... Соблуди выдержку и приличие.

ЗИНАИДА. А то выпьешь и давай приставать с каверзными вопросами, а на них и ответа нет... Ну что тут хорошего?

ИВАН. (потупившись) Та-ак... Но мне будет позволено словцо вставить?

ЗИНАИДА. Пап, только покороче. А то разведёшь... Вместо трёх слов можешь намолоть с три короба.

УЛЬЯНА. А я вот, Зина, вашему папе внимаю с интересом. Я б на твоём месте слушала его б с разинутым ртом...

ЗИНАИДА. Ну, да! Я прямо сгораю от нетерпения слушать его подковырки.

Смотрит на отца с неудовольствием.

ИВАН. (мирно) А как ты думаешь, один он приедет?

ЗИНАИДА. Я думаю, один.

За окном слышно, как подъехал автомобиль.

ЗИНАИДА. Не он ли? Я ж говорила, как снег на голову. (смотрит в окно) Вот и ваш сын любименький. Единственный...

Выбегает в дверь.

УЛЬЯНА. Ох, у меня ноги отнялись. Пособи мне, Ваня!

ИВАН. Пойдём, Ульяша, сына встречать... Что за человек к нам приехал?

Иван помогает Ульяне подняться со стула и они идут наружу.

Эпизод третий.

Перед домом, уже описанным, стоит высокий молодой человек в строгом костюме и белой рубашке с галстуком, в руке его полупустой пакет. Руки он скрестил на груди, смотрит на дом и не может прийти в себя от увиденного.

С крыльца слетает Зинаида и виснет у него на шее.

АНАТОЛИЙ. (обнимая сестру) Скажи, сестрёнка, что это такое отец состряпал? Я ему перевёл сумму на двухэтажный особняк с башенками по углам. Чертёж, расчёты, даже рисунок предоставил! А это что?

6

ЗИНАИДА. Ой, да ты разве не знаешь папку!

АНАТОЛИЙ. (возмущённо) Но я не могу понять!

ЗИНАИДА. Да не огорчайся ты. Дело уж сделано! Да и тебе здесь не жить... А дом не так уж и плох. Внизу три большие комнаты и ещё кухня-столовая.

АНАТОЛИЙ. Какая-то изба деревенская!

ЗИНАИДА. Ну что ты! Газ, вода, ванна – всё есть. (видит в руке у него полупустой пакет) А где твои вещи?

АНАТОЛИЙ. Вряд ли я в этом доме с недельку протяну...

ЗИНАИДА. А наверху такая ли комнатичка обустроена с отдельной лестницей в сад. Хоть бильярд ставь, хоть теннисный стол. Папка так задумал...

С крыльца сходят Иван с Ульяной.

АНАТОЛИЙ. (обнимает мать, а сам требовательно смотрит на отца) Налюбоваться вот не могу!

ИВАН. А что. Вполне приличное жилище...

АНАТОЛИЙ. У тебя что, денег не хватило?

ИВАН. Деньги остались, можешь забрать...

АНАТОЛИЙ. Ну-ну-ну... Не будем мелочиться! Я всё же не могу взять в толк...

ИВАН. А чего брать в толк. Не привык я выпендриваться перед людьми...

ЗИНАИДА. (шепчет матери) Мам, ну скажи что-нибудь... Толик может обидеться!

УЛЬЯНА. (заплаканная) Толя, нам и за этот домина перед соседями не по себе. Ведь кругом люди так трудно живут.

АНАТОЛИЙ. (зло и солидно) Перед какими соседями! Неглубокие вы люди, родители. Вот это место – лакомый для застройки кусок. Вид вон какой, лес рядом! Не сегодня-завтра здесь всё скупят и возведут коттеджи и дом ваш будет выглядеть жалкой избёнкой! Вот какие у вас будут соседи!

ЗИНАИДА. А я тебе, пап, что говорила?

УЛЬЯНА. Ой, упаси бог от этого... (смотрит сыну в лицо, желая замять разговор) Натерпелся ты за эти-то годы, сынок?

АНАТОЛИЙ. (обнимая мать за плечи) А почему старый не снёс?

ИВАН. (едва сдерживаясь) Жалко... У нас с матерью в нём всё родное, обсосанное...

ЗИНАИДА. А ты думаешь, где они живут?

АНАТОЛИЙ. Неужто в старом?

ЗИНАИДА. А то... Новый-то второй год как пустует.

АНАТОЛИЙ. (возмущаясь) Родители, ну почему вы капризничаете? Ведь к хорошему так быстро привыкаешь! Это я вам говорю...

ИВАН. (ворчит) Смотри-ка ты, разбираться стал. Что такое хорошо, что такое плохо... Умный!

УЛЬЯНА. Мы, Толя, боимся, что не научимся в нём покойным сном спать. Уж больно широк он!

Тётю-то Марфу помнишь? Она заглянула, походила туда-сюда: Ну, ты, теперь, Ульяна, чисто буржуйка!

АНАТОЛИЙ. (машет рукой) А-а... Завистников хватало во все времена. К этому надо готовиться...

ИВАН. (с вызовом) Да? А бояться не надо?

ЗИНАИДА. (неприязненно) Ну, начнёт теперь коверкаться, Толика дразнить. Мам!

УЛЬЯНА. Ну тебя, Ваня, с твоими зацепками. Сын погостить приехал!

ИВАН. (уже не может унять) Построй дворец, а потом от людей забором отгораживайся, собак заводи да охрану нанимай!

УЛЬЯНА. (строго) Я тебе что сказала – не задирай сына. (Анатолию) А ты чего не предупредил?

АНАТОЛИЙ. Домой ехал. Что вас беспокоить...

7

ИВАН. (неловко подходит к сыну) А вот за это дай-ка я тебя чмокну. (целует и ощупывает сына) А ты огрузнел, сын. И заважнел! Небось, тебя в других-то местах раздутыми речами встречают, а мы вот тебя расцелуем... сына блудного... Мать с отцом подзабывшего...

УЛЬЯНА. Правда, Толя, нехорошо. У нас сердце изболелось. Кой годик не приезжал погостить!

АНАТОЛИЙ. (небрежно и значительно) Дела... дела... (топчется на месте в смущении) Пойду, машину отпущу... У нас тут финансовые связи с одной фирмой. Они мне выезд обеспечили...

Уходит, за ним идёт Зинаида.

УЛЬЯНА. Какой-то он не такой. Холоден, смотрит свысока. Не со своей улыбкой... Что-то с ним не так. Хочу спросить о его московской жизни, а он запирается...

ИВАН. Уехал он неоперившимся птенцом в одном свитерке и вот на тебе – костюмчик стрелчатый, рубашечка, как снег, и галстук. Будто в них и родился!

УЛЬЯНА. А ты не растравляй его, Ваня...

ИВАН. Ходит с какой-то новой поноровочкой – мол, я вам не комаров ловец! Слушайте и внимайте, потому как, слово моё на вес золота...

УЛЬЯНА. А он, Ваня, не ахти какой весёлый. Чуется в нём какое-то гореванье...

ИВАН. Ну что ты. Дел у него много, ими он и озабочен. Немного поживёт с нами и отмякнет...

УЛЬЯНА. Дай-то бог!

Возвращается Анатолий с пачкой газет, с ним Зинаида.

АНАТОЛИЙ. (заглядывая в газету) Откуда столько народу, идут семьями и в одиночку по нашей дорожке?

ИВАН. На Сивом лобке такую ли красоту – церквушку – вознесли, люд и повалил. А то надо было тащиться через весь город.

АНАТОЛИЙ. (криво усмехаясь) Смотри-ка ты, молятся...

УЛЬЯНА. (испуганно) Как же не молиться-то. Ведь и ты, Толя, Марфа сказывала...

ИВАН. (вспыхивая) А ты какому богу молишься? Вот этому? (ожесточённо хлопает себя по карману)

УЛЬЯНА. Ванюша, ты же сам говорил, что Анатолий на церковь...

ИВАН. (перебивая) Это не одно и то же!

АНАТОЛИЙ. (посмеиваясь) Ну ты, отец, как Тарас Бульба. Сын ещё порога не переступил, а ты зовёшь на кулачках биться!

ИВАН. (насупившись) Усмешечка мне твоя не по нутру.

ЗИНАИДА. Пап, веди себя прилично!

ИВАН. (не слушая её) Ты вот по свету поездил, много чего видел. Так?

АНАТОЛИЙ. Ну?

ИВАН. И повсюду вознесены храмы редчайшей красоты. Так?

АНАТОЛИЙ. Это правда. Ну?

ИВАН. И вся эта красота возводилась ради сохранения души в человеке. Души, которую сейчас топчут походя!.. Ради сохранения человека в человеке. Подумай только, как велико это желание множества поколений. Если по всему свету красота в небо устремлена!

АНАТОЛИЙ. Успокойся, батя. У нас в Москве тоже в храмы ходят.

ИВАН. (машет рукой) Э, да не в этом дело!

АНАТОЛИЙ. (обращаясь к сестре) Я ведь речь завёл о чём... Дом ваш оказался на бойком месте. А что если на углу магазинчик соорудить. А?

ЗИНАИДА. (в восторге) Ну, Толик! Ну, голова!

ИВАН. (насупившись) Людей, значит, улавливать?

АНАТОЛИЙ. Почему? Сделать их жизнь удобней.

ИВАН. (переглянувшись с женой) Ну да... А в самом доме открыть ресторанчик типа «Ретро». А то ещё можно и уютенький дом терпимости. Вот денег-то потечёт!

АНАТОЛИЙ. Скажешь тоже... Я ведь ни на чём не настаиваю. Так, одна мелькнувшая мысль.

ЗИНАИДА. (потирая руки) Эту мысль мы крепко запомним. И разовьём!

АНАТОЛИЙ. (одобряюще) Хваткая женщина у меня сестра!

УЛЬЯНА. (покачивая головой) Ой, хваткая... Всё хватает и хватает. И всего ей мало... (тихо Ивану)

Ой, теперь дочь-то нам житья не даст... (громко) А что это мы тут топчемся. Пойдёмте в дом!

(подталкивает Анатолия в спину) Иди и смотри. Зина согласно твоему вкусу весь дом обустроила. Душеньку свою потешила...

ИВАН. (идёт сбоку) Её хлебом не корми, дай только покомандовать. Иди и оценивай. А я тебе вот что хотел сказать...

ЗИНАИДА. Пап, не загружай Толика... (тихо) Надоел!

Брат с сестрой идут в дом.

УЛЬЯНА. (оба смотрят им в след) Он ведь и поцеловать меня не сумел. И всё - родители, родители... Сроду он так нас не величал!

ИВАН. Так ведь вырос. Мужчина.

УЛЬЯНА. А ты всё в драчку лезешь.

ИВАН. Что-то раздражает меня в нём...

УЛЬЯНА. (пригорюнившись) Всё-таки он не тот, что уезжал... Будто что-то висит у него над душой.

ИВАН. Я думаю, в нём много показного. Поживёт, обомнётся. А ты побереги сердце... Я вот иной раз думаю. А не захочет ли наша старшенькая Ксюша со своим Валерием перебраться в этот дом. Мы бы в старом свой век приканчивали. Зато все вместе!

УЛЬЯНА. Ой, Ваня! Это ведь давнишняя моя мечта. Как ты её распознал? А ещё б лучше в нём Толик с женой поселился...

ИВАН. Ну, это ты хватила! Где ему...

Эпизод четвёртый.

В доме, в уже знакомой нам гостиной.

АНАТОЛИЙ. (осматриваясь) Всё это, конечно, не то, что мне виделось. У нас такие дома строятся разве на селе. Подальше от центра.

ИВАН. Мы всю жизнь прожили в бревенчатых стенах. В каменных мы бы с мамой просто задохнулись.

АНАТОЛИЙ. Но ведь вы и в эти стены не хотите переходить! Это выглядит как-то странно. Похоже на чудачество.

УЛЬЯНА. (прислонясь к сыну) Ой, Толя, дом-то какой большой да тёплый. Закончил бы ты своё шатание по свету да и поселился в нём... За тридцать перевалило, а ты без жены, без детей. Так и запаршиветь можно...

ЗИНАИДА. Ну, мам... У Толика миллионные дела, а ты какое-то «шатание» приплела...

УЛЬЯНА. (замяная разговор) А это вот всё Зина обставила, для тебя старалась. Видишь, какие толстые кресла...

ЗИНАИДА. Хвалишь, а никогда в них не посидишь.

УЛЬЯНА. Они мне бока холодят.

ЗИНАИДА. Ну вот, Толик, что с ними поделаешь!

ИВАН. По твоему, мы, значит, с мамой чудим?

ЗИНАИДА. Не надо, пап...

ИВАН. А ведь старый-то дом наполнен вашими голосами, вашими запахами, нашим общим счастьем и нашими невзгодами... Погоди маленько. Притрёмся и, может, переберёмся. И тебе спасибо скажем!

АНАТОЛИЙ. В конце концов, это ваше дело. Я не настаиваю, я только удивляюсь...

ИВАН. Нечему тут удивляться, если по душам рассудить. Понять надо! Вот ты, помню, в Москву рвался, я тебя понимал. Но ты удрал тайком, прихватив деньги от продажи бабушкиного дома...

ЗИНАИДА. Пап, ты же сам велел помолчать...

АНАТОЛИЙ. Я ждал этого разговора. Надо объясниться. Потому и тайком, что боялся – не поймёте вы меня. А разговор начни, конца б краю не было...

ИВАН. А время-то какое было. Мы тоже на эти деньги планы строили.

ЗИНАИДА. (кокетливо) А ты меня, Толик, раздетой оставил...

УЛЬЯНА. Ой, Зина, да одна шуба, Толей тебе подаренная, вдвое тех денег стоит!

ЗИНАИДА. Да. Но ведь я тогда в невестах ходила, мне покрасоваться хотелось, себя показать, а не голодраницей шмыгать...

ИВАН. Себя показать, это и теперь тебе не чуждо!

ЗИНАИДА. Ну и что. Зачем тогда жить? А тогда я плакала и убивалась...

АНАТОЛИЙ. Зина, я виноват перед тобой. Тебе обязан и ты знаешь, я на ветер слов не бросаю...

ЗИНАИДА. Ладненько! Замнём...

ИВАН. Я тогда понимал, что тебе нужен был начальный капитал. Хоть и были это кошкины слёзы.

АНАТОЛИЙ. Вы бы эти деньги проели, больше ничего.

УЛЬЯНА. Ой, проели бы, Толя, проели бы, право слово... Как вспомнишь!

ИВАН. Ну что ж. У тебя получилось и ты не судим. Хоть мог выйти и большой стыд... Не знаю только, к лучшему ли это. Вон наши скоробогачи...

АНАТОЛИЙ. Никакой я не скоробогач. Силы свои и времени я не жалел. Всё доставалось с большим трудом. Первые годы так в дело вьелся, себя не помнил. Только лет через пять очухался...

ИВАН. М-да... Когда ты уехал, мама неутешно тосковала, а я её так успокаивал: Не плачь, мол, а гордись. Твой сын в самой Москве дело раздувает!

АНАТОЛИЙ. Раздул... раздул...

ИВАН. А она мне на это так горько: Что Москва! Где твой дом, там и твоя столица...

АНАТОЛИЙ. (вздвогнув) Может быть, мама и права...

УЛЬЯНА. А ваш папа далеко не простачок, его и послушать можно... (делает знак Зине)

ЗИНАИДА. Да, ему тоже есть чем гордиться. Я сейчас!

Уходит.

УЛЬЯНА. Пойдёмте в столовую. У нас есть чем тебя угостить с дороги. Только подогрею немножко.

АНАТОЛИЙ. Я, мама, в аэропорту перекусил. Позднее разве... Дайте на вас взглянуть. Вы-то как жили эти годы?

УЛЬЯНА. Лета у нас, сынок, не шуточные. Уж болезнь и недомогания идут на нас...

ИВАН. Мы с тобой, Уляша, славно от них отбиваемся!

УЛЬЯНА. Папа храбрится, а меня прошлой зимой почки с ног сшибли. Папа весь исхлопотался надо мной. Еле выкарабкалась...

АНАТОЛИЙ. Почему не сообщили? Глупо, отец!

УЛЬЯНА. (примирающе) Так ведь наши недомогания теперь дело обычное, мы бы тебя всего издёргали. Да и Зина рядом...

АНАТОЛИЙ. А у сестрицы, однако, характерец!

ИВАН. (угрюмо) Солитёр наживы её сосёт... Я, остаревши, не хотел бы жить с ней под одной крышей.

УЛЬЯНА. Что ты говоришь, Ваня! А кто за нами будет смотреть?

ИВАН. (ворчит) Всё у неё есть и всё не так. Всё мало!

УЛЬЯНА. (горько) Детишки бы были, она б успокоилась.

ИВАН. А что ей мешало рожать? Та же зависть... И страх! Неча, дескать, нищету плодить! Тоже отговорку нашли...

УЛЬЯНА. (тихо, с оглядкой на дверь) Мечту тешит сестра-то твоя. В Лондоне, в Париже побывать! Вон куда замахнулась...

АНАТОЛИЙ. Последние два года меня поносило по свету. Был я и в Лондоне, и в Париже, правда, всё больше по делам. Повертел головой, поудивлялся да и обратно. Но поездить по миру, что тут плохого?

ИВАН. Кто-то не из глупых сказал: К шумным пирам и путешествиям тяготеют больные души...

АНАТОЛИЙ. (подняв брови) Вот как! Почему это?

ИВАН. Наверное, наслаждениями, переменой мест пробуют заглушить какую-то свою внутреннюю боль. Неудовлетворённость! Бояться остаться наедине с собой...

АНАТОЛИЙ. Не знаю... Я же из своих поездок вынес одно. Чтоб оценить эти города и народы, надо пожить среди них тихо и вдумчиво не один год. Пуд соли съесть, как у нас говорят...

ИВАН. Глубокое твоё замечание, сынище! Ведь и собственную-то жизнь в суете не познаешь... А что до Зинки, так ей Париж нужен, как серьга в ухе. Чтоб при случае похвалиться...

Анатолий смеётся, входит Зинаида с газетой в руках.

ЗИНАИДА. Еле нашла. (показывает газету Анатолию) Ну, это кто?

АНАТОЛИЙ. Отец в полчетверти страницы... (читает) Ух ты... Да ты у нас писатель!

ИВАН. (смутившись) Ты ещё скажи – Лев Толстой. Так, выпустил краеведческую повестушку об одном родном мне околотке в городе. Захочешь почитать, вон в старом доме на подоконнике возьмёшь...

АНАТОЛИЙ. Как-нибудь заберусь под одеяло и с удовольствием прочту. Непременно!

ИВАН. Про себя же я одно знаю. Писал я её с большим трепетом и любовью...

Входит Пётр, Анатолий всматривается в него.

АНАТОЛИЙ. А это... это... дядя Петя!

ПЁТР. Видел с балкона, как к вашему дому автомобиль подвернул. Дай, думаю, пойду и, как раньше говорили, засвидетельствую своё почтение...

ИВАН. (рад ему и поталкивает его в спину) Засвидетельствуй, старая ты лиса...

ПЁТР. А ты не толкайся, я тебе не мальчишка. Здравствуй, Анатолий! У-у. какой видный преуспевающий господин...

ИВАН. Преуспевающий, да... Только вот отпочковался он от всех нас.

ПЁТР. (Ивану тихо) Ну, здорово тебе за дом-то влетело?

ИВАН. (тем же голосом) Ора не было... Так, лёгкое неудовольствие.

ПЁТР. (громко) А что он у тебя, полетевши за крыльями, вернулся без хвоста? Всё при нём!.. Не забыл меня?

АНАТОЛИЙ. Всё так же с отцом в шашки гоняете?

11

ПЁТР. Бывает час и сразимся. (смеясь присаживается) Ты вот теперь мыслящий человек и я тебе скажу. Мы с Иваном, отцом твоим, не столько в шашки играем, сколько насыщаемся душевной беседой...

УЛЬЯНА. (смеётся) Хороша беседа! Порой схватятся, как петухи. Хоть святых выноси!

ПЁТР. Это бывает... мыслей несовпадение...

АНАТОЛИЙ. А третьей с вами была бутылочка...

ПЁТР. Это опять же для возбуждения мысли. Ульяна Савельевна нынче сильно печётся о нашей с Иваном целомудренности...

УЛЬЯНА. Нечего, Петя, душой кривить. Исхитряетесь!

ИВАН. Так то ситро. Не более того...

ПЁТР. А ты, Анатолий, негоциант?

АНАТОЛИЙ. Нет, не торговец. Скорее промышленник.

ПЁТР. Значит, у тебя и рабочие есть?

АНАТОЛИЙ. А как же без рабсилы обойтись.

ПЁТР. Вот. Даже из этих твоих слов можно понять, что бывший гегемон, рабочий класс, нынче не уважаем...

ИВАН. Да в загоне он, рабочий-то класс!

АНАТОЛИЙ. Мы даём ему работу. Он рад этому! Если он трезв и знает дело, его уважают...

ИВАН. Вы из рабочих теперь лапти плетёте... Да и сам рабочий класс низко пал! Когда велись драчки за собственность, он, вместо того, чтоб сплотиться в крепкую дружину и крикнуть наглецам «щыц», сам бросился свои станки разбирать да сдавать на скупку! Воровать пошли, грабить, пьянствовать...

ПЁТР. Вы ведь не спросили их согласия, придя командовать над ними? И пренебрегаете теми, кто вас сделал богатыми.

АНАТОЛИЙ. Мы даём работу. Это главное!.. Кстати, ваш перерабатывающий завод работает в городе?

ПЁТР. Еле дышит.

АНАТОЛИЙ. Ну вот. А мы поможем встать ему на ноги!

ИВАН. Так ты за этим и приехал?

АНАТОЛИЙ. Нет. Так, одна мелькнувшая мысль...

ИВАН. Ну, а вообще... чем ты занят?

АНАТОЛИЙ. Много чем. Всего не назовёшь. Например, у нас идёт большое строительство.

УЛЬЯНА. А ты, Толя, в церковь ходишь?

АНАТОЛИЙ. Ой, мама, когда мне!

ИВАН. (насупившись) А о строительстве своей собственной семьи ты думаешь?

ПЁТР. Ты уж прямо в лоб, Ваня...

УЛЬЯНА. Уж больно ты, Ванюша, не просто как-то. Заковыристо...

ИВАН. (его уж не унять) Человек без семьи нечто кисельное, не состоявшееся! Я кого увижу и сразу в голове крутится: Какая у него жена или муж, есть ли у них дети и сколько их? И если узнаю, что он бессемейный, мне становится скучно...

ЗИНАИДА. (тихо Анатолию) Когда он начинает так витийствовать, меня всю передёргивает. Кому это нужно?

УЛЬЯНА. Да, Толя, и сколько у них деток, тоже важно. Если один ребёнок – это семья куцая, боязливая... Всё ведь в детях!

АНАТОЛИЙ. (смеётся) Не забудьте прибавить, что семья – ячейка государства...

12

ИВАН. А что, разве не так? Семья разваливается и трещит по швам государство. Возьми сегодняшний день...

ПЁТР. Римская империя развалилась от разврата...

ЗИНАИДА. Ой, не надо только утрировать!

ИВАН. Цыц, Зинка! Я на дух не переношу этих слов...

УЛЬЯНА. Сядь-ко ко мне, Толя... Семья, сынок, это тёплая пазушка, где можно укрыться от невзгод и болезней. В ней распускается и крепится душа господня... Моя мама, твоя бабушка Таисья, так говаривала: Ребёночка вырастить – храм построить!

АНАТОЛИЙ. Надо же... Храм!

ИВАН. Я по себе знаю. Семья заставляет человека жить со взором, обёрнутым внутрь себя...

АНАТОЛИЙ. (обнимает отца с матерью) Ну, что вы так разволновались? Вы и есть моя семья!

Взволновавшись, уходит.

ЗИНАИДА. Что, получили своё? Не согласны, что ли? Ха-ха-ха! (подбоченивается) А я вот возьму и женю его! (отец с матерью смотрят на неё со страхом) Я ему такую женщину покажу, обеими руками ухватится... Не оторвёшь!

УЛЬЯНА. (осторожно) Ой, покажи, Зина, покажи... Может и правда ухватится...

ПЁТР. Пойду я... Ещё надоем вам. А теперь и сами на сына не нагляделись...

Возвращается Анатолий с газетами в руках и усаживается в кресло просматривать их.

ИВАН. (Петру) Сегодня чтоб вечером был. Соберёмся за столом...

Пётр уходит, Анатолий смотрит ему в след.

АНАТОЛИЙ. Сдал дядя Петя, как-то сгорбился.

УЛЬЯНА. Жену похоронил...

АНАТОЛИЙ. Тётю Олю? Крепкая была женщина.

ИВАН. В один год скрутило...

Горестно молчат. Приотворяется дверь и в неё просовывается голова в помятой шляпе и с небритым лицом.

САНЬКА. Меня ваша соседка Лидия известила, что достигший всяческих благ Толям Кокоря прибыл родителей своих навестить. Я пришёл поприветствовать тебя, Толям, от чистого сердца...

АНАТОЛИЙ. (строго и неприязненно) Что за явление? Чем обязан?

САНЬКА. Ты мне? Воспоминаньями детства... Если тебе, конечно, удача память не отшибла...

Анатолий оглядывается на родителей, надеясь на помощь.

САНЬКА. Когда-то, изумившийся теперь Анатолий Кокоря, ты из своих уст моих благородных птиц поил...

АНАТОЛИЙ. (радостно) Санька? Чекмарь? Ты что ли?

САНЬКА. Я, я, узнавший, наконец, Анатолий. Принёс я тебе привет от всех наших уличных пацанов. Только их в кучу не соберёшь! Разъехались, кто куда свою долю искать...

ЗИНАИДА. Нашли, кого привечать! Вон бы его!

Фыркнув, она уходит.

АНАТОЛИЙ. (тихо у матери) Чего это она?

ИВАН. (негромко) Как же. Для Зинаиды это малопочтенная личность.

АНАТОЛИЙ. Сань, (обнимает его за плечи) где бы я не был, а при виде голубей на площадях перед глазами моими всплывала твоя уютненькая голубятня и гулюкающие, облепившие тебя голуби. Всё так же держишь?

САНЬКА. Поели голубей. В одну ночь голубятню разбомбили, склали в мешок и унесли. Слопали!

13

АНАТОЛИЙ. (поражён) Как это? Да разве...

САНЬКА. Ах, наивнейший ты наш Толям, жрать захочешь, так родненького братца сшамаешь...

ИВАН. (угрюмо) Правду он говорит. Тогда ни на остановках, ни у контейнеров голубей не видно было. Перевели... Когда России шок устроили, люди с голода мёрли!

Ульяна украдкой слёзы вытирает.

САНЬКА. Я сам закапывал. В полиэтилен и в яму...

Горестное молчание.

АНАТОЛИЙ. Я тебе что-то сейчас покажу.

Сгорбившись, уходит.

САНЬКА. Дядь Вань, ведь ты знаешь, я токарил. Шестой разряд! Завод обанкротили и меня под зад... Теперь вот кричат: Малый бизнес! Малый бизнес!.. А миллионы производственников, где они? К рабочему моему званью ноль внимания и воз призрения...

Входит Анатолий с глянцевитым журналом в руке.

АНАТОЛИЙ. Вот, для тебя купил.

САНЬКА. (равнодушно рассматривая журнал) А ты разве не знал о наших делах, свалившийся с луны Толям?

ИВАН. Он был там, в веселящейся до упаду Москве...

АНАТОЛИЙ. Ну, я тоже кое-что хлебнул... Взгляни, Саня, какие есть в мире породы голубей!

САНЬКА. Не надо мне. Не трожь увядшие, так сказать, цветы души моей...

АНАТОЛИЙ. Ты что! Как же ты без голубей? Я тебя и представить не могу... Перегорел, что ли?

САНЬКА. Жалеть, конечно, до сих пор жалею...

ИВАН. А жалеешь, стало быть, душа жива. Есть чем жалеть...

Санька машет рукой и отводит в сторону Анатолия.

САНЬКА. Толям, я тут забухал, ты не можешь мне набухать со стакан? А то откинуться могу...

Только ты, достигший всяческих благ, не вздумай меня шампанским угощать. У меня от него в висках стеснение. А водочка меня оживит!

АНАТОЛИЙ. (беспомощно оглядывается) Я только приехал. Не знаю, есть ли в доме.

САНЬКА. Зачем же в доме? Когда на каждом углу хоть залейся!

АНАТОЛИЙ. А, понимаю. (вытаскивает бумажник) Скажи, Саня, это ты подсмеиваешься надо мной?

САНЬКА. Как это? Разве я посмею...

АНАТОЛИЙ. Ну эти вот – «достигший всяческих благ», «наивнейший»...

САНЬКА. А-а, это я от смущения... А потом. Пить я пью, но книг читать не бросил. Жена меня в кладовку жить определила. Я свет провёл и живу. Книг натаскал, сейчас много на помойку выкидывают... (смотрит на бумажник) Только меня, предупреждаю, сто граммов не берёт...

Анатолий подаёт крупную бумажку.

АНАТОЛИЙ. Саньк, а если я тебе достану парочки три хороших пород голубей... Разведёшь?

САНЬКА. (зло) Нет, припарка покойнику не поможет...

АНАТОЛИЙ. Жаль, очень жаль...

САНЬКА. Ты, Толям, не подумай, что я тут колбасюсь перед тобой потому, что ты заботателый... Я тоже рад видеть тебя! (вытирает рукавом глаза и мнёт бумажку) А это я понимаю, ты дал мне, чтоб я своим присутствием не марал твой дом... Только ты мне, мил мой, как-то не показался. Несвежий какой-то... Москва, что ль, покалечила?.. Пойду, тяпну за твой приезд!

АНАТОЛИЙ. Мы ещё с тобой, Саня, увидимся и поговорим попросту, без этих твоих «колбасений».

У нас есть что вспомнить!

14

САНЬКА. (радостно) Я весь твой, Толям!

Уходит.

Анатолий в раздумье прохаживается по комнате. Иван искоса наблюдает за ним.

Неожиданный стук в дверь. Входит тучный мужчина по имени Федя Козырной, местный предприниматель.

КОЗЫРНОЙ. Анатолий Иванович Кокорин? Это вы? Вот. Мы с вами созванивались насчёт нашего завода. Припоминаете? Не возьмёт ли ваша компания его под своё крыло? А то со всех сторон зажимают...

АНАТОЛИЙ. (поздоровавшись) Я не могу вам так вот прямо сказать что-нибудь путное. Соберите документацию, приезжайте. Мы посмотрим. А для начала на собрании объясните рабочим ситуацию, сложившуюся на заводе...

КОЗЫРНОЙ. Ха! А чего спрашивать эту чернь? Им бы пожрать да бутылку заглотить. Вы бы посмотрели на них.

АНАТОЛИЙ. (холодно, не допускающим возражений тоном) Я не могу пересматривать принципы нашей компании. Если вы против, мы начнём переговоры с кем-нибудь другим...

КОЗЫРНОЙ. Лады, лады... (стоит с широко раскинутыми руками) Только я не пойму уразуметь. Так сказать. За каким чёртом мне их советы? Что они могут понимать!

ИВАН. (напустив на себя важность, подступает к Козырному) Молодой человек! Анатолий Иванович только с самолёта и делами заниматься пока не расположен. В нужный момент наши люди, я подчёркиваю, наши люди вас отыщут и все формальности буду соблюдены. Это вы можете понять?

КОЗЫРНОЙ. Так бы и сказали... (пытится к двери) А с быдлом советоваться...

Уходит. Анатолий с удивлением смотрит на отца.

ИВАН. (смеётся) Когда-то номенклатура, желая отшить «конфликтника», так она называла неугомонных просителей, жёстко обрывала поток горячечных жалоб: Наши люди вас найдут!..

Конечно, никто никого не искал, но действовало успокаивающе... А этот кусок говядины, обтянутый футболкой, похоже, вообразил себя князем благородных кровей...

АНАТОЛИЙ. Не стоит удивляться, отец. Во главе вашего завода стоит какая-нибудь размазня, а его контролируют отпетые уголовники. Они шустрые, дерзкие и даже с некоторым лоском... Это ещё хорошо, что хотят завод поднять, а не в металлом пустить...

ИВАН. Так бы и дал в морду!

Анатолий смеётся. Играет мобильник, Анатолий отходит в дальний угол комнаты.

АНАТОЛИЙ. Что? Почему я улетел и не сказал куда? Фирюлин, кому надо, тому известно. У меня с делами улажено и отдыхаю в доме своих родителей. Почему не взял кого-нибудь из ребят? Мне ничего не грозит и ты можешь успокоиться, Фирюлин! Что? Начали следствие по делу о гибели Евгения Павловича? Ну, что ж, это их работа. Мы-то с тобой знаем, как Женька любил скорость... Следствие может потребовать и моих объяснений? Ну, ты, Фирюлин, взялся отравить мне отпуск! Всё. Прошу меня больше не беспокоить... (отцу с матерью с кривой усмешкой) Начальник охраны беспокоится. Такая вот трогательная забота!

В тревоге уходит из комнаты, старики с горечью смотрят ему в след.

ИВАН. Да-а... Какой-то Женька, как я понял, любил у них на машине гонять...

УЛЬЯНА. И это пожертвование не даёт мне покоя. И подумать страшно! Толя смеётся, а в смехе печаль слышна...

ИВАН. Не выдумывай, не растравляй себя. Может, и нет ничего...

15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Эпизод первый.

В новом доме Кокориных в той же гостиной, только несколько дней спустя. В кресле сидит Ульяна с рукодельем. Где-то за стеной слышится голос Ивана, он заглядывает, а потом входит в гостиную.

ИВАН. (кричит) Ты тут, мать? В этих лабиринтах я всё теряю тебя...

УЛЬЯНА. Фу. Я прямо вздрогнула. Что это ты моду взял, всё «мать» да «мать». Разве я говорю о тебе так отстранённо? Всё: «папа сказал», «надо посоветоваться с папой», ну а ты...

ИВАН. (целуя жену) Прости, Ульяша. Я думал тебе лестно это слышать. Слово-то широкое и властное.

УЛЬЯНА. Ни к чему мне это... Сижу вот, привыкаю, чтоб дети не обижались.

ИВАН. Ну, как тебе наш сынуля?

УЛЬЯНА. (задумчиво) Красивый он у нас. Высоченный, статный... Но как-то он плохо слышит нас... А ты не накидывайся на него.

ИВАН. Да я уж и так молчу.

УЛЬЯНА. (вздыхнув) Мало что в нём от прежнего Толика осталось. Будто свет убрали, неосвещённое лицо... И какой-то уж заважневший он.

ИВАН. Хорошо, что не важный, а заважневший...

УЛЬЯНА. Не всё ли равно.

ИВАН. Важный, Ульяша, это надолго, а заважневший – временное, показное. Потерпи и шелуха облетит.

УЛЬЯНА. Дай-то бог.

ИВАН. Я думаю, ему с женщиной не повезло.

УЛЬЯНА. Так и не встретил свою разъединую...

ИВАН. (бодрясь) Ну, не встретил, так встретит. Не старик! А ты, успокойся. (гладит жену по плечу)

Ты обещала мне... А где он?

УЛЬЯНА. У себя в комнате, бумагами шурстит. Звонок был из Москвы... Сначала тихо разговаривали, а потом как закричит...

Входит Анатолий в рубашке, надевая галстук.

АНАТОЛИЙ. Здравия желаю, родители...

УЛЬЯНА и ИВАН. (вразнобой) Доброе утро, сынок!

ИВАН. По делам, что ль, куда собрался?

АНАТОЛИЙ. Да нет, а что?

ИВАН. Ну, а галстук?

АНАТОЛИЙ. Знаешь, привык. Дисциплинирует!

ИВАН. Дома можно и расстегнуться.

УЛЬЯНА. Что ты, Ваня, пусть делает, как ему лучше. (встает с кресла) Я тебе, Толя, сейчас завтрак соберу.

АНАТОЛИЙ. Да у нас как-то по утрам почти не едят. Так. Сыра кусочек, йогурт. Сок..

ИВАН. У кого это у вас?

АНАТОЛИЙ. У нас, в Москве...

ИВАН. А-а... В Москве-законодательнице? Для нас она, сын, раздувшаяся от жира и чванства боярыня и не русского уж обличья...

АНАТОЛИЙ. Знаешь, отец, ей как-то всё равно, что ты о ней думаешь.

16

ИВАН. Я-то? Конечно! А если о ней так думает вся глубинная Русь, а? Это, мой умный сын, весома и небезопасно.

УЛЬЯНА. Ваня, не пузырись...

АНАТОЛИЙ. Тебе, батя, лучше ко мне приехать теперешнюю Москву посмотреть.

ИВАН. Мы и так наслышаны... А приехать приедем, как семьёй обзаведёшься.

УЛЬЯНА. Так я тебе, Толя, простоквашу с вареньем наведу, вот и йогурт!

АНАТОЛИЙ. Сиди, мам, я сам. Как прежде. Дома я или не дома?

ИВАН и УЛЬЯНА. (в один голос) Дома, дома!

Анатолий, уходя, оборачивается.

АНАТОЛИЙ. Я тут по улицам прошёлся и не пойму. Что это на меня глаза вылупают?

ИВАН. При таком параде у нас только банковские служащие да административники и то больше на машинах.

АНАТОЛИЙ. Это дело поправимое. Спортивный костюм натяну.

Уходит в столовую и тут же возвращается с тарелкой в руках, ковыряя в ней вилкой.

АНАТОЛИЙ. Ну и картошечка! Наестся не могу! Чем ты её уснастила, мам?

УЛЬЯНА. (довольная) Да чем, чесночком да укропчиком...

АНАТОЛИЙ. М-м-м...

ИВАН. (смеётся) Ага, дома-то и солома едома! А ты там котлетку вилкой зацепи.

АНАТОЛИЙ. Котлетками-то я сыт.

ИВАН. А это тебе не ромштекс-бифштекс, а духовитая, толстомытая мамина котлета!

АНАТОЛИЙ. Уговорил. Зацеплю!

Уходит с пустой тарелкой.

ИВАН. (смотрит на жену) Ну вот, а ты переживаешь...

УЛЬЯНА. Может и впрямь отмякнет. А то, как третьеводняшный пряник...

Входит смущённый Анатолий.

АНАТОЛИЙ. Вы там, наверно, рассчитывали оставить на обед. А я как-то не заметил...

ИВАН. (хохочет) Он, Уля, всю сковородку подчистил!

УЛЬЯНА. Вот и ладно. Стряпухе польстил! А на обед у нас будет другое...

ИВАН. Щи будем хлебать и голубцы вкушать...

АНАТОЛИЙ. Тогда я по городу пошатаюсь, может, кого из ребят повстречаю.

ИВАН. Захотелось свои ребячьи тропки потоптать?

АНАТОЛИЙ. Ну да... (заглядывает матери через плечо) Ты, мам, что тут ковыряешь?

УЛЬЯНА. Носки папины штопаю.

АНАТОЛИЙ. (в изумлении) Родители, у вас средств не хватает купить новые?

УЛЬЯНА. Носки я вязала лет восемь назад. Они мне дороги.

АНАТОЛИЙ. Но зачем глаза утруждать? В печку их, в печку!

УЛЬЯНА. Потом... папа хвалил их...

ИВАН. Чудодейственные носки. Ног в них не чуешь!

УЛЬЯНА. И очень крепкие. Я их штопаю всего второй раз!.. (виновато) Толечка, за этим занятием так хорошо думается. А думаю я последнее время всё о тебе. Тридцать два года тебе, сынок!

АНАТОЛИЙ. (с досадой) Так я и знал. Каждый день будет с этого начинаться!

УЛЬЯНА. (испуганно) Хорошо, хорошо... Но почему ты не привёз ту женщину? Зина сказывала, вы с ней семейно живёте.

АНАТОЛИЙ. (вздыхнув) Коротко. Как-то мне на банкете приятели девчонку подсунули. Очухался, вроде как с женой живу...

УЛЬЯНА. Как же это так, Толя?

АНАТОЛИЙ. Да я и фамилии её не знаю. Всё – Жанна, Жанна. А с полгода назад попросила денег на поездку в Италию. И вот нет её. Да я уж её и не помню!

ИВАН. Скучно с тобой. Вот и пошла по свету весёлость искать...

УЛЬЯНА. (пригорюнившись) Ой, что делается-то у вас там. Что делается! У нас таких-то жалеют...

АНАТОЛИЙ. Да и не Жанной её звали, а, как я узнал позднее, Евдокией. Дунькой! Ой, да такими Жаннами вся Москва наводнена...

УЛЬЯНА. А это ведь тоже чьи-то детки...

ИВАН. Стало быть, не живёшь ты в Москве, а сиротствуешь... И дом есть, а безгнёздый...

УЛЬЯНА. Бабушка твоя Таисья говаривала: Увидишь больного человека, узнай, как здоровье его души... Я вот у тебя спрашиваю: Что с твоей душой, сынок? Чую я, она у тебя плачет и рыдает...

АНАТОЛИЙ. Не больной я, мам. Просто заработался...

УЛЬЯНА. Дай мне бог ошибиться...

Утирая глаза, отходит к окну. Анатолий идёт к выходным дверям и вдруг замирает.

АНАТОЛИЙ. Что это такое? Музыка?

ИВАН. Хоронят кого-нибудь.

АНАТОЛИЙ. Ух... Так и передёрнуло всего!.. (отцу) Я тебе говорил, что у меня погиб в автомобильной катастрофе приятель... Как теперь говорят «при невыясненных обстоятельствах»... А перед этим мы с ним крепко повздорили...

ИВАН. Близкий тебе был человек?

АНАТОЛИЙ. Мы с ним дело начинали. Я к нему в дом ходил, он москвич. Родители его меня, как сына принимали...

Горько машет рукой и уходит.

ИВАН. Вон оно что...

Слышно, как плачет Ульяна.

ИВАН. Перестань, Уля! Сколько тебе можно говорить. Пощади сердце...

Эпизод второй.

В доме Кокориных.. Широкая летняя веранда с выходом во двор. Прямо у стены диван старого образца, несколько стульев и небольшой столик. Хороший летний день, начало июня.

За столиком Иван с Петром играют в шашки, Ульяна по своим женским делам то приходит, то уходит с веранды.

ПЁТР. Ты, Ванюшка, свою жизнь будто сызнава начинаешь. Кабинетик оборудовал, компьютер осваиваешь, библия вон на столе. За тобой не угонишься!

ИВАН. Ну, ты не прибедняйся. Без дела не сидишь.

ПЁТР. Нет. Я уж сработанный человек. Мне покой нужен...

ИВАН. (кричит) Не смей так думать! Эта мысль преждевременно согнёт тебя в дугу. Старость начинается тогда, когда на неё соглашаются. Ходи вон лучше!

ПЁТР. (передвигая шашку) Но покой-то ты мне позволишь иметь?

18

ИВАН. Ещё двадцать веков назад было сказано: «Глупо признавать за благо покой и отсутствие тягот!» Покой на кладбище, кстати его покоищем и зовут... Загружать себя надо – мыслью и работой и помнить не будешь эти глупости...

ПЁТР. Сколь не храбрись, а она с косою явится...

ИВАН. Смерти нет. Есть прерывание. Прервалась жизнь и, знай себе, возникнет в новом обличье...

ПЁТР. Хитро придумано! Это когда же она возникнет, миленькая?

ИВАН. А вот это нам знать не дано. Но в природе ничего не пропадает! Ходи давай.

Входит оживлённый Анатолий, подаёт руку Петру.

АНАТОЛИЙ. О чём шумят сиволобские мудрецы?

ИВАН. Да вот. (кивает на друга) Не могу терпеть унылых рож... (передразнивает) Сработанный я человек! Тьфу... Давайте лучше выпьем, горло пересохло.

Достаёт из-под стола графинчик со стакашками и разливает.
АНАТОЛИЙ. Налейте и мне. (смеётся) Давно не пил крадучись... (пьёт) Ого!
ИВАН с ПЕТРОМ. (в один голос) Ни-ни... Через двадцать минут выветривается. Ситро!
Графинчик убран, входит с веником Ульяна. Радостный Анатолий подходит к ней.
АНАТОЛИЙ. Какие у вас, мам, по улице женщины ходят... Ой-ёй-ёй! И ведь никто не обернётся, не удивится... Дикари!
ИВАН. (за шашками) У нас действительно по улицам женщины ходят! (вопросительно смотрит на Петра)
ПЁТР. А как же, ещё как ходят!
УЛЬЯНА. Мужики, не ёрничайте! (с вниманием глядит на сына)
АНАТОЛИЙ, (взволновано матери) Шёл я по Малаховской, сбоку тротуара стоят двое, разговаривают. И вдруг одна из них, молчавшая, что-то произнесла...
ИВАН. Да, у нас не только женщины ходят, но и разговаривают...
ПЁТР. Чаще всего они болтают...
УЛЬЯНА. Ваня! Петя!
АНАТОЛИЙ. Да ну их, мам! (салятся с матерью на диван) Я где-то читал, может быть у Бунина, что женщину можно полюбить за один только голос. Тогда я не поверил! А тут... (вскакивает и бежит по веранде) Нет, я не могу сидеть!.. И всего-то она сказала несколько каких-то незначащих слов, а чарующего тембра голос вошёл в моё сердце. Я, мам, пошёл за ней, как привязанный!
ИВАН. (прислушивается) Это уже интересно.
АНАТОЛИЙ. Она шла, видимо, с работы и завернула в детский садик. Вышла оттуда с дочуркой... Та, будто колокольчик звенит, прыгает возле матери. А мать, тут я её рассмотрел, совсем молоденькая, величавая из себя и с диковинно глубоким голосом. Он, мам, голос её, и сейчас звучит во мне!
УЛЬЯНА. Да в каком краю она живёт? Может, я знаю..
АНАТОЛИЙ. В Есауловке. Я проводил их поодаль. Возле пруда в кирпичном доме с садом. Знаешь, мам, палисадник какой-то покосившийся, кривые деревца... И там живёт прекраснейшая из женщин с волшебным голосом. Удивительно! (бежит по веранде) Ах, как мне хочется кого-нибудь за ухо дёрнуть, за плечи потрясти... Вот так вот прыгнуть! (прыгает) Дурака повалить, смеяться без причины! Ха-ха-ха...
УЛЬЯНА. Ваня, смотри, какой сын наш пирует сделал!
ИВАН. Никак и впрямь что-то стоящее встретил. Какого хоть облика-то? А то одни восторги...

АНАТОЛИЙ. (замирает в удивлении) Представьте, не могу описать. Волосы каштановые в узелок схвачены... Пушистые волосы и глаза – да, большие и открытые. Такие, наверное, у очень добрых людей бывают... Но голос! Голос!
ИВАН. Какие там глаза... Волосьи, что ли?
АНАТОЛИЙ. (оскорблённо) Скажешь тоже, батя... Волосьи!
ИВАН. Это у Гомера – волоокие женщины...
АНАТОЛИЙ. Это очень даже хорошо. Волоокая незнакомка!
ИВАН. Так ты и беседы не завязал?

АНАТОЛИЙ. Как я мог. Будь она хоть одна, а то... Меня словно озноб прошиб.

ПЁТР. Эх, взять бы её тебе, Анатолий, за ручки белые да посадить рядом за столы дубовые да за напитки пьяные...

АНАТОЛИЙ. Дядь Петь, я ведь не знаю даже как её звать!

УЛЬЯНА. Ты меня, Толя, напугал. Ведь у неё же дитё!

ИВАН. У женщин это бывает!

УЛЬЯНА. Стало быть, есть и муж...

ИВАН. Ты не заметил каких-нибудь мужских лиц во дворе или в окне?

АНАТОЛИЙ. Я как-то об этом не подумал... Услышал её и будто что-то липкое и мерзкое отвалилось от моего сердца и я пошёл за ней...

ИВАН. Тогда я поздравляю тебя, сын!

УЛЬЯНА. Да он же даже не взглядел её... А, да ну вас! (заглядывает под стол) Э-э, да вы подзарядились изрядно!

Машет рукой на мужиков и уходит.

АНАТОЛИЙ. Под вечер пойду в Есауловку. Я там лавочку присмотрел, посижу напротив её окон... Я, пап, боюсь вот так просто подойти. Нахрапом... Обыкновенности боюсь, что ли...

ИВАН. Ты боишься разрушить очарование, полученное в первый раз...

АНАТОЛИЙ. Так, так. Ты меня понимаешь!

Уходит.

ИВАН. (смотрит на Петра) Что скажешь?

ПЁТР. А что говорить. Молодым безоглядно любить, старым бережливо тратить то, что осталось на доньшке...

ИВАН. Но не самое же грязное и скверное на доньшке-то?

ПЁТР. Нет, конечно. Меня совесть не мучает за прожитую жизнь.

ИВАН. А знаешь, что я с Толькой, говоря, как-то ляпнул? По библейским, мол, меркам мы, мать твоя и я, ничем не хуже святых!..

ПЁТР. Эка, хватил...

ИВАН. Вот и Толька тогда засмеялся на меня... Вот мы с тобой, Петро...

ПЁТР. Только ты меня не причисляй!

ИВАН. Разве мы не честную жизнь с жёнами прожили по сорок лет, дома-дачи ставили своими руками, деревья сажали, детей растили... Жили по правде, а где видели неправду – горячились и не принимали! стыдно, конечно, за нашу легковёрность разным вождям, но мы многого не знали и в том не наша вина...

ПЁТР. Святые-то ещё прорицали!

ИВАН. (гогочет во всё горло) А что мы с тобой делаем за шашками, а? Не прорицаем, что ли? (достаёт графинчик и разливает) А где нынче прорицают? Уж не с экрана ли? Ха-ха-ха...

20

ПЁТР. Меня тошнит от него. Ведь самооплеванием гордятся!

ИВАН. Самооплевание они считают за анализ...

ПЁТР. Один либеральный чиновник недавно выдал: «Это нормально, когда старые и бедные отмирают. И чем скорей, тем лучше. Мол, не сумели встать с веком наравне.»

ИВАН. А древние китайцы так с ехидцей говорили: «Убей мудрых и не станет дураков.» Что сейчас и делают! Скоро у нас все будут умные...

ПЁТР. Ох, Ваня, не туда мы с тобой попёрли. Людишки мы мелкие...

ИВАН. Цыц! Нет мелких на этом свете. Помнишь, как Маяковский низводил отдельного человека: «Единица вздор, единица ноль, голос единицы тоньше писка...»

ПЁТР. «Кто его услышит? Разве жена, и то, если близко!»

ИВАН. Вот. А когда его самого взялись сокращать до этой самой единицы, революционный поэт к виску дуло приставил! Разве этим можно шутить...

ПЁТР. Заговорились мы с тобой. Смеркаться начинает.

Идут к выходу. Из комнаты входит Ульяна, заглядывает под стол и садиться на диван с рукодельем. Возвращается Иван.

УЛЬЯНА. Не ахти твоё поведеньице, Иван Васильевич! (показывает на сердце) Про это забыл? Да и зачем все эти споры? Только себя будоражишь.

ИВАН. Не сердчай, Ульяша, это всего лишь ситро! А что до споров. Так мы же мужики! Ты знаешь, почему женщина спокойна в этом отношении? Она родила, вырастила детей и выполнила сполна свой долг перед природой и богом. Ей хватает этого счастья, ей не страшно умирать... Мужик – другое дело! Он как бы ответственен за всё происходящее в мире, отсюда его муки и метания... Мы ведь в какое время живём!

УЛЬЯНА. Ну, в какое-такое время? Я думала, лихие времена миновали..

ИВАН. (отчётливо) Во времена жёсткого внутреннего огрубления и опошления! Это страшно...

Входит радостный Анатолий.

ИВАН и УЛЬЯНА. Ты был у неё?

АНАТОЛИЙ. Да. В дом пустила, посадила на кухне чай пить, варенье придвинула, а сама куда-то вышла. Сижу, как дурак! Чай выпил, а её всё нет... Тут из комнаты прискакала её дочка: Дяденька, поиграем с тобой!.. А я и взяться не знаю как.

УЛЬЯНА. Господи. Да посадил бы на колени, порасспрашивал. Сказочку бы сказал!

АНАТОЛИЙ. Да не помню я никаких сказок... Гляжу через окно, а Тоня в калошах на босу ногу под яблоней тяпкой землю рыхлит.

УЛЬЯНА. Она ж с работы, у ней дел накопилось.

ИВАН. (с усмешкой) Ты, конечно, обиделся и гордо удалился...

АНАТОЛИЙ. Хотел... А потом вышел: Дай-ка, говорю, тяпку. Ты устала, с работы! Саму прошу присесть тут же под яблоню, чтоб мне её всю видеть. Эту золотистую, рдяную – вот какие слова нахожу! – смуглоту шеи и щёк, волнующую округлость рук и ног, тугость груди и талии, перехваченной случайным пояском...

ИВАН. Вот когда ты рассмотрел её!

АНАТОЛИЙ. Знаешь, Тоня набросила на себя первый попавшийся халатик и другая бы она лепилась, а на неё смотреть любо!.. Шурую я тяпкой и – слушайте, тут самое интересное! – ловлю на себе её поласковевший взгляд. Она, мама, мной, как работником, любовалась! Завтра надо будет палисадник поправить...

Идёт в комнаты и тут же возвращается.

АНАТОЛИЙ. Пойду, прилягу. Мне захотелось залезть под одеяло и заснуть крепко, на много-много часов беспробудным сном. А проснуться беззаботным весёлым парнем. Такого бы Тоня полюбила...

ИВАН. Понимаю. Проснуться и увидеть мир глазами только что очнувшегося ото сна ребёнка...

АНАТОЛИЙ. Вот, вот. С полным ощущением новой жизни...

УЛЬЯНА. Да, да. А то твой сон тревожен и чуток. От такого сна только устаёшь.

АНАТОЛИЙ. Много чего дрянного накопилось во мне. Но вы поможете мне. Вы и Тоня!.. (идёт и, вспомнив, отцу) Пап, дай мне почитать твою книгу.

ИВАН. Она у тебя на тумбочке давненько лежит. Тебя ждёт.

Анатолий уходит.

ИВАН. Мне кажется, наш сын полюбил. По настоящему, неослабно...

УЛЬЯНА. Дай-то бог. Только пока Зинаиде не сказывай. А то я и радоваться боюсь...

ИВАН. В нём, Ульяша, каждый мускул заиграл, как он её встретил.

УЛЬЯНА. А какой он прыжок тогда сделал! (смеётся)

Со двора к ним поднимается на веранду Марфа, соседка.

МАРФА. Шла мимо, слышу, разговариваете. Дай, думаю, зайду, молодца вашего вблизи рассмотрю.

Мельком-то видела. Нету?

УЛЬЯНА. Отдыхать прилёг.

МАРФА. Ну и ладно... (оглядывает дом внутри) Не теряете друг друга-то в хоромах-то?

ИВАН. (смеётся) Бывает. Кричу: Ау, Ульяша, ты где!

МАРФА. А мне так и просится на язык спросить. Он у вас не невест перебирает?

УЛЬЯНА. Ходит в одно место.

МАРФА. То место мне известное. В Есауловке моя дочь живёт.

ИВАН. Ну-ка. Просвети нас.

МАРФА. Девонька хороша, ничего не скажешь. Никакой в ней сегодняшней испорченности нет.

Правда, замужем побывала и растёт у неё белявенькая дочушка...

УЛЬЯНА. Наш-то: Какие, говорит, у вас по улицам женщины ходят!.. Да и обнял меня в радости...

МАРФА. Ну, никто, конечно, не ахнет, глядя на неё: Ах, красота неземная! Но кто сумеет всмотреться в неё, так и вздрогнет.

ИВАН. Наш сумел всмотреться!

МАРФА. Она в материну породу, а та славная женщина. Всё в ней кротко и некрикливо. И Тонюся такая же, на неё смотреть охота. Дородная...

ИВАН. (показывает руками тучность) Такая, что ли?

МАРФА. Дородность, Иван, не толстота, а особая женская сдобность и приятность... А у Тонюси, так её мать кличет, развитой стан труженицы. Она с малых лет в работе!

ИВАН. Ну, а...

МАРФА. (предваряя его вопрос) На неё многие прельщались и прельщаются, а потому отставленики те могут наплести и околесицу. Только на то наплевать и растереть!

УЛЬЯНА. Ну и ладно... Ну и хорошо! А что девочка, так мы только б рады были...

МАРФА. Частенько бегаёт?

УЛЬЯНА. (уходя от ответа) Скоро, небось, нас замечать не будет...

МАРФА. Кого любишь, тот и родственник. Вы у него есть, а её надо завоевывать. Муж-то у неё без вести пропал...

УЛЬЯНА. А вот если он вздумает уговаривать её ехать с ним? Как ты думаешь?

МАРФА. Мне думается, тут её не укланяешь ни деньгами, ни чем. Не выманишь из родимых мест...

22

УЛЬЯНА. Как же ему быть. Ведь у него в Москве дело!

ИВАН. Украсть, что ли?

МАРФА. Того я не знаю. Может и... Так я пойду. (спускается по лестнице на двор) Я вижу, он избегает церковных служб. Пусть сделает первый шаг! Моление душу размягчает... А она у него, небось, закаменела в московской-то суетне...

УЛЬЯНА. Ой, закаменела... А как сказать?

МАРФА. Ты мать. Тебе виднее... Ведь и отец Сергей ждёт.

Уходит.

УЛЬЯНА. Хорошо бы, конечно. Да только б он на этой Тонюси голову не сломил... Я уж и мечтать боюсь...

ИВАН. (угрюмо) Дело своё он не бросит.

Эпизод третий.

На дворе у Антонины, куда выходит крыльцо самого дома, справа небольшой сад, прямо – огород, Видна теплица, а дальше зеркало пруда и дальний берег, поросший лесом.

АНАТОЛИЙ. (расхаживая по двору) У вас довольно симпатичный домик. И всё кругом прибрано, ухожено. Очень миленькая терраса...

ТОНЯ. Для вас домик, а для нас дом. Когда папа обложил его кирпичом, он стал всех солидней в улице.

АНАТОЛИЙ. Простите. И всё-таки в нём есть что-то милое, игрушечное.

ТОНЯ. Не кажусь ли и я вам игрушкой? Забавой?

АНАТОЛИЙ. Какая же вы игрушка, Тоня! Я перед вами робею...

ТОНЯ. Это дом отца с матерью. Они выехали на село, оставшееся после дедушки хозяйство поддерживать. Сами живут и нас с Олечкой подкармливают...

АНАТОЛИЙ. А это всё свалилось на вас?

ТОНЯ. Я не боюсь никакой работы. Не в конторе сижу, на кирпичном заводе вкалываю...

АНАТОЛИЙ. Не хотите ли вы сказать, что этими вот руками – покажите-ка! - вы кирпичи таскаете?

ТОНЯ. У нас, конечно, механизмы, но порой и складировать приходится.

АНАТОЛИЙ. А я мог побережь и вас, и ваши руки... Вы такая...

ТОНЯ. (заминая разговор) Пойдёмте, я вам покажу свой «игрушечный сад».

Идут и стоят под яблоней, тут же деревянная скамья.

ТОНЯ. Вы говорили, у вас родители люди простые... Они, наверно, не надышатся на вас. Вы такой успешный!

АНАТОЛИЙ. (смеётся) Им всё это, простите, по фигу. У них одно на уме: Где жена? Где детки?

Поросль твоя и наша...

ТОНЯ. Они вправе спросить.

АНАТОЛИЙ. Отец готов был пощёчину залепить за то, что один приехал... А мать – щёки вон втянулись, глаза невесёлые...

Оба молчат.

ТОНЯ. Я иногда тут под вечер сплю.

АНАТОЛИЙ. Как? На голой доске?

ТОНЯ. За день руки-ноги навихляешь, так сладко всякое отдыханье. Сплю, а Оленька рядом играет... Вот, взяла две старые табуретки, прибила две доски – получилась скамья. Я и зимой тут частенько сижу. Хорошо думается...

23

АНАТОЛИЙ. (горько) А я таблетками пробавляюсь. У меня сна нет...

ТОНЯ. Ой, у меня день, словно реактивный, пролетает. Смотришь, уж и ночь на носу. Заберёмся с Олькой под одеяло, понежимся, книжку почитаем, да и будто в омут нырнём... Ой, да зачем я всё это болтаю. Вам вовсе неинтересно!

АНАТОЛИЙ. Мне всякая мелочь вашей жизни душу греет. А голос ваш так певуч, что слушать одно наслаждение... А слова как к вам легко приходят, какая в них жизненная правда...

ТОНЯ. Если я говорю, то говорю то, что думаю. А разве бывает иначе?

АНАТОЛИЙ. Ещё как бывает... Я, может, от этого и удрал к родителям, чтоб отделаться от растущего внутреннего омерзения... А вот увидел вас, услышал ваш диковинный голос и сердце обрело способность радоваться.

ТОНЯ. Как вы не просто говорите.

АНАТОЛИЙ. Это от того, чтоб вам понравиться...

ТОНЯ. Зачем это вам. Дом мой игрушечный, деревца неказистые, кривые... А для меня это всё живое. Ну, как бы вам сказать... Как для крестьянина пашня!

АНАТОЛИЙ. У меня тоже есть дом за городом. И всё в нём есть, даже бассейн...

ТОНЯ. Надо же, бассейн. А я в пруду купаюсь!

АНАТОЛИЙ. А живёт в нём одна баба Галя из соседней деревни. Нет хозяйки в нём! Вот если б вы... Я слышал, вам пришлось довольно тяжело.

ТОНЯ. Было да прошло.

АНАТОЛИЙ. Вот если б вы...

ТОНЯ. Вы забываете, что у меня муж и дочка на руках...

АНАТОЛИЙ. Но ведь вы говорили, что ваш муж года три, как пропал.

ТОНЯ. (строго) Про то ничего неизвестно...

Длится некоторое молчание.

ТОНЯ. Мы жили с Павликом в любви. Он меня красавицей считал. С моим-то носом! Дурачок...

АНАТОЛИЙ. Тогда и я дурак!

ТОНЯ. У нас было принято хорошее обращение. Ругани- ни-ни. Он много шутил, заводной парень!

АНАТОЛИЙ. Но ведь сбежал!

ТОНЯ. Он был ценным работником. Фрезеровщик! Но завод встал и его ушибла наша нищета и безработье. Он и рванул: Всё осилю, только не забывай!

АНАТОЛИЙ. Но весточку-то за три года можно было прислать.

ТОНЯ. Ничего не знаю. На розыск подавала, ничего не дал. Ни следочка! По ночам плачу – жалко Павлика... (вдруг спрашивает) А вы петь умеете?

АНАТОЛИЙ. Простите, не понял?

ТОНЯ. Ну, петь. Своим голосом? А вот Павлик у меня пел и на гитаре бог знает что выделывал!

АНАТОЛИЙ. А сами вы поёте?

ТОНЯ. Больше за делом. Размурлычусь, что и сама за собой не замечаю. Спыхвачусь и давай смеяться...

АНАТОЛИЙ. А я ваш голос слушаю, как песню. Вообще я эти дни хожу, как в беспамятстве... В глазах сияет ваше чистое милое лицо, а в ушах живёт ваш переливчатый голос...

ТОНЯ. И это говорит деловой человек!

АНАТОЛИЙ. Я только теперь открыл для себя, что искренняя беседа с вами это как бы взгляд внутрь себя. Уж и сам скажешь порой и удивишься, как хорошо вышло.

ТОНЯ. (испуганно глядя на него) Ну что ж. Я рада за вас...

24

АНАТОЛИЙ. (доверяясь и называя её на ты) Тонечка, если б ты знала, каким надменным чужеземцем я заявился к себе в родной дом. До сих пор стыжусь отцу с матерью в глаза смотреть...

ТОНЯ. Они простят. Что уж вы себя так казните.

АНАТОЛИЙ. Как-то нечисто и недобро от этого на душе...

Молчат. Тоня встаёт со скамейки.

ТОНЯ. Я сейчас... (уходит в дом)

АНАТОЛИЙ. (ей в след) Мне без тебя, Тоня, не жить. Знай это!

ТОНЯ. (сходит с крыльца, в руках её книга) Вы мне давали почитать роман модного московского писателя. Вот он, возьмите назад...

АНАТОЛИЙ. Прочитала уже?

ТОНЯ. (холодно) Нет. Мне это, простите не надо. Не книга, а какие-то мерзкие выделения...

АНАТОЛИЙ. Что ты сердишься? Я ведь тоже не читал. Это секретарь сунула мне в пакет, чтоб время в самолёте скоротать... А что ты читаешь?

ТОНЯ. Мне папа оставил часть своей библиотеки. Лескова недавно перечитывала – вот где праведники! Герои и счастливцы...

АНАТОЛИЙ. Счастливцы от того, что праведники?

ТОНЯ. А как же. Без правды счастлив не будешь.

АНАТОЛИЙ. Ты прямо в унисон с моим батей? (замешкавшись) Может, ты праведника и ждёшь?

ТОНЯ. Ну, знаете ли! Вы разозлили меня. (кричит) Мужа я жду... Мужа!

Эпизод четвёртый.

Уже знакомая гостиная в доме в доме Кокориных.

УЛЬЯНА. (входящему Ивану) Вот Васенька приехал. Сел у двери и молчит.

ИВАН. Ты что, Василий зажался? Как у тебя здоровье?

ВАСИЛИЙ. Спасибо, вылечился. Здоровье моё благополучное.

УЛЬЯНА. Ну, и слава богу. А что молчишь, нас пугаешь?

ВАСИЛИЙ. Я ведь, Ульяна Савельевна, попрощаться зашёл.

УЛЬЯНА с ИВАНОМ. Как! Только приехал и опять на работу?

ВАСИЛИЙ. Не... Я совсем уезжаю. (видит вставшую в дверях Зинаиду) Зина, я еду жить в Вологду. Я там добрую женщину встретил...

ЗИНАИДА. Ой, а я чуть не с поцелуями на него не набросилась!

ВАСИЛИЙ. (обращаясь ко всем) Меня с поезда сняли – ноги отказали, а она, Паня, меня выходила...

ЗИНАИДА. Ну, ну. Высыпай всё, как есть...

ВАСИЛИЙ. Да не думай, что Паня молоденькая. Она даже немножко старше меня. У неё двое рябятишек – одной пять и другому семь. Паня спокойный улыбочивый человек. А с тобой я, Зина, измучился. Уж больно ты шумная!

ИВАН. Ну вот, дооралась!

УЛЬЯНА. (тихо, в слезах) Я и то, Васенька, удивлялась твоему терпенью...

ЗИНАИДА. Да куда он не денется! Не пушу... И ничего из нажитого не дам.

ВАСИЛИЙ. Жизнь проходит в погоне то одного, то другого... А мне надо, чтоб душа была на покое.

ЗИНАИДА. Ишь, чего выдумал. Душа! Никуда не поедешь и ни крошечки от меня не получишь...

ВАСИЛИЙ. (Ульяне и Ивану) Живём мы пока в стеснении, но у неё, у Пани, дядя в лесниках.

Обещал с лесом помочь. Буду дом ставить в два этажа. Газ у них проведён, вода во дворе, а земли целых двадцать соток! Так что, прости меня, Зина, не оправдал я твоих надежд...

25

ЗИНАИДА. Не пушу! И ничего не получишь от меня, даже через суд.

ВАСИЛИЙ. Квартира и всё, что в ней... Машина и всё – это твоё. Мне ничего не надо...

Идёт в дверь и Зинаида - она таким мужа ещё не видела – сторонится.

УЛЬЯНА. Васенька, так нехорошо. Надо по доброму проститься. Мы любили тебя и жалели...

ВАСИЛИЙ. Я найду. Поживу у своих денёк и найду.

ЗИНАИДА. Они, видите ли, любили его, прохвоста!

Иван сурово смотрит на дочь, та со смехом и плачем бежит в дверь.

ЗИНАИДА. (кричит за дверью) Ну и скатертью тебе дорожка, голодранец!

ИВАН. (горько) И зачем надо было орать в дело и не в дело... Ведь сказано: Крикливые женщины все несчастны...

Входит Анатолий.

УЛЬЯНА. (всхлипывая) Толя! Был Василий, муж Зины, нашёл, говорит, в Вологде добрую женщину. К ней уезжает...

АНАТОЛИЙ. Вот тебе и на. А она жаловалась, что муж у неё не оборотистый...

УЛЬЯНА. (в слезах берёт с пола картонную коробку) Вот, Толя. Велено тебе в собственные руки передать. Тут дырочки понаделаны. Ой, да в них что-то живое!

АНАТОЛИЙ. Это голубей по моей просьбе из области доставили. Для Саньки Чекмаря. Пойду, отдам. Думаю, не откажется...

Хочет идти, но звонит мобильник. Анатолий смотрит на родителей и те уходят из комнаты. Анатолий разговаривает по телефону.

АНАТОЛИЙ. Что? Собранные факты о гибели Женьки требуют и моего объяснения? Ты не пугай меня, Бронька! Мы-то с тобой знаем, что ничего криминального в этом нет. У следствия могут быть другие мнения? Ты слышал, как мы перед этим орали друг на друга, как я оскорблял Женьку и обвинял его в невыгодности подписанного им в Италии контракта? Да, я, помнится, кричал, что ещё один такой промах и мы можем остаться с голым задом!.. Но разве я угрожал?.. Угрожал?

Поберегись, Бронька! Все знают, что мы с Женькой были не только компаньоны, но и неразлучные друзья!.. (жёстко) Фирюлин, ты уволен.

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Вы не можете этого сделать до окончания следствия... О ваших ссоре и угрозах никто никогда не узнает, если вы меня берёте в компаньоны. Дело я знаю. Почему вы молчите? Если же я расколуюсь, офис завтра же будет опечатан, а вас немедленно потребуют к ответу...

АНАТОЛИЙ. (вяло) Бронька, ты уволен...

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Завтра будет последний день и я уже не смогу молчать...

Анатолий выключает мобильник и бессильно опускается в кресло.

АНАТОЛИЙ. Вот до чего дело дошло!.. Женька, Женька, что ты наделал... Я и церквям жертвую в память твоей души, а боль не проходит. Неужто, правда, что я в пылу спора так тебя оскорбил, что ты без памяти бросился в машину и помчался, сломя голову? Сколько же это будет висеть надо мной?.. Ведь я теперь, Женя, тебе завидую! Если б ты знал, какая мука любить, наконец, встретившуюся женщину и почти не надеяться на её ответное чувство... К жуткой боли за тебя примешалась мука неразделённой любви... Как всё это вынести?..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Эпизод первый.

Утро следующего дня. Уже знакомая нам веранда. Ульяна, в руках таз с мокрым бельём, входит Зинаида.

26

ЗИНАИДА. (разъярённая) Что делается-то, а! Ну ладно, мой Васька вздурил... Но тут, я слышу, какая-то баба моего брата к рукам прибирает! А вы и рады тому?

УЛЬЯНА. (оробев) Понравилась она Толе...

ЗИНАИДА, (прыскает) Это кто? Тонька-кирпичница?

УЛЬЯНА. У неё, говорит, большое и искреннее сердце...

ЗИНАИДА. Обхохотаться можно! Большое желание завладеть богатым мужиком, вот что у неё в сердце-то. Только и ждёт, чтоб с собой позвал!

УЛЬЯНА. Уж чего бы лучше.

ЗИНАИДА. Что ты говоришь, мам. С таким привеском показаться в Москве! Ведь ум помрачиться у его окружения... У брата такие широкие знакомства... Я вот прижму ей хвост-то!

УЛЬЯНА. Бесстыдница ты, Зина. Женщину не знаешь, а такое говоришь!

ЗИНАИДА. Надо брата спасать, а вы тут рассиропились: Ах, а! Да это какое-то ослепление...

Из соседней комнаты выходит Иван с книжкой в руках.

ИВАН. А если приспел час и нагрянула судьба?

ЗИНАИДА. Какая судьба! Да Тонька сейчас мечется, как кошка угорелая, чтоб своего не упустить!

ИВАН, Сначала слово свари, а потом вытаскивай! Наш сын, натерпевшийся немало человек, и вот ему, наконец, повезло... (вглядывается в неё) Да не завидуешь ли ты ей?

ЗИНАИДА. (с вызовом) Да, я лютая завистница! А что я с собой поделаю? Вот от меня ушёл муж, а я и ему завидую. У него новая жена, какой-то родственник-лесник, девочка, мальчик, дом... Но я у вас, папа, разве глупая и не видная? Не достойна счастья?

УЛЬЯНА. (с глубокой горестью) Ой, да разве в видности дело. Душа у тебя зудит и зудит. Всё-то ты боишься упустить...

ЗИНАИДА. (со слезами) А чего она к брату ластиться! (и тут же жёстко и холодно) Я никак постарше его. Пусть прислушается к сестре!

ИВАН. Не дай бог...

ЗИНАИДА. Что ты там бормочешь, пап?

ИВАН. Басню вот вспомнил. Силилась да пыжилась лягушка, а с вола так и не надулась...

ЗИНАИДА. (про себя) Совсем на старости лет балагуром становится...

В раздражении бегаёт по комнате.

УЛЬЯНА. (присев, негромко) Я тебе, Ваня, не сказывала. Ведь я на проспекте Василия повстречала...

ИВАН. Разве он не уехал?

УЛЬЯНА. Он тогда от нас скрыл, что со своей новой семьёй прибыл. Его Паня пухленькая оживлённая женщина и ребятишки с ними. Одеты невесть как, но лица чистые и радостные. Вот сватье Анисье привалило!.. У меня сердце разрывалось на них смотреть...

ИВАН. Тут ничего не поделаешь... А сердце своё побереги.

УЛЬЯНА. Так ты подумай, Ваня... Это ж могли быть наши внук с внучкой! (утирает слёзы)

ИВАН. (гладит её по плечу) Успокойся... Ты обещала не расстраиваться...

На веранду поднимается Анатолий, к нему оборачивается Зинаида.

ЗИНАИДА. Фи-и... Ты опускаешься, Анатолий! Что за рубаху на себя натянул? О тебе весь город трещит, местный бомонд с нетерпением ждёт тебя к себе, а ты игнорируешь его... Никуда не показываешься.

АНАТОЛИЙ. (бурчит себе под нос) Не до того мне...

ЗИНАИДА. Всё знаю. Раскрой глаза по шире – кто она и кто ты! Ты б лучше пошёл да поглядел на неё в её брезентовом фартуке...

27

АНАТОЛИЙ. (строго и серьёзно) Чтоб больше ни одного худого слова я об Антонине не слышал! Понятно?

ИВАН. Вот так её, сын! А то слово какое-то выворотила: Бомонд! Сказала бы местная вороватая шантрапа...

ЗИНАИДА. (осторожничая) Я ведь что говорю. Нельзя же себя ронять!.. Связался с какой-то...

АНАТОЛИЙ. Зинка, смотри!

ЗИНАИДА. (отпрыгнув к двери, дразнит)

Шёлковая нитка

К стенке льнёт.

Тонька Анатолия

К сердцу жмёт!

Смеётся и тут же, смиренная и ласковая, подступает к брату.

АНАТОЛИЙ. Ты, сестра, злишься от того, что тебя муж оставил...

ЗИНАИДА. Да пусть он катится, куда хочет... А ты, братец, возьми меня с собой. Я на что-нибудь сгожусь...

АНАТОЛИЙ. Ну что ж. Ты теперь женщина свободная.

ЗИНАИДА. (хлопает в ладоши) Здравствуй, вождьленная Москва! (уходя, говорит самой себе) А проследить надо! Какая-токая Тонька? Голос у неё, видите ли!.. Так отчешу, всякий голос пропадёт...

ИВАН. (ходит по веранде с книгой в руке) Ну и пусть едет...

УЛЬЯНА. Пусть проветрится...

АНАТОЛИЙ. (отцу) Я сколько помню себя, всегда у тебя книга в руках...

ИВАН. Только не забудь, что я тридцать с лишнем лет варился в заводском котле... Книжник? Да... Но с поправкой на широкое знание жизни и людей. Теперь читаю меньше, больше думаю...

УЛЬЯНА. Папа в молодости носил вот такой кок на голове и у него было вдохновенное лицо...

ИВАН. (посмеивается) Мама и теперь подойдёт и мнёт мне волосы. Хочет увидеть во мне прежнего Ваньку! А я услышу, как она заправляет постель или проворит на кухне и при этом напевает что-то, улыбаюсь и думаю: Стало быть, не испортил я жизни родной мне женщине, если и через сорок лет совместной жизни она не разучилась петь...

АНАТОЛИЙ. (обнимая их) Какие вы у меня хорошие! Вы, родные мои, берегите себя. Мне без вас плохо будет... (целует обоих) Вы думаете, я не приезжал, так забыл вас? Вы у меня вот где сидите! (показывает на сердце) Сидите и не позволяете совершить подлость... Знайте это!

УЛЬЯНА. Вот и спасибо тебе, утешил ты нас! А то уж мы думали, что ты в чурбан превратился. Всё молчишь и молчишь... Спасибо тебе! (вся в счастливых слезах)

ИВАН. Успокоил ты нас. Порадовал! Будем дальше жить... Ну, а что у тебя с Антониной?

АНАТОЛИЙ. (опустив голову) Она не гонит меня... Но жизнь разделить со мной не хочет.

УЛЬЯНА. Толя, ты не торопи её. Дай ей привыкнуть к себе...

АНАТОЛИЙ. Я так приучил себя к мысли, что она будет всегда со мной, что уж не могу от неё отделаться. Если я найду силы уехать от неё, то она из меня не уйдёт никуда...

Облокотившись на перила веранды отрешённо смотрит в даль.

ИВАН. (жене негромко) Плохо дело... Если б полюбила...

УЛЬЯНА. ... То б закрыв глаза, пошла за ним...

Понурившись, уходит.

АНАТОЛИЙ. (стучит кулаком по перилам) Мне без неё уже не жить! Мне без неё...

ИВАН. Ты и близко не допускай такой мысли! Ей только поддайся...

28

АНАТОЛИЙ. А тут ещё следствие по делу гибели Женьки завели... Фирюлин начал давить на меня... У нас не всё ладилось с охраной, вот Женька и привёл этого армейского майора. Раньше он подвизался на валютном рынке и носил прозвище Бронька-жид... Так вот этот Бронька стал нам просто необходим! Он оберегал нас от малейшего дуновения ветерка, в глаза заглядывал, угадывая наши желания...

ИВАН. Та-к... Возле успевающих людей всегда заводятся завистливые шакалы...

АНАТОЛИЙ. Теперь Бронька за своё молчание хочет стать моим компаньоном. Вместо Евгения!

ИВАН. Ого! Шакала вы откормили до матёрого волка!.. Но чего тебе бояться, если ты ни сном, ни духом...

АНАТОЛИЙ. Так ведь всего в дерьме вывозят, за всю жизнь не отмоешься! Он на это и рассчитывает...

Входит Санька Чекмарь, он ухоженный, в чистеньком пиджачке, рыжие волосы приглажены.

САНЬКА. (весело) Наше вам с бантиком! Ты дома, Толям?

Анатолий оборачивается к нему и ни слова не говорит, как бы не видит.

САНЬКА. А я пришёл тебе спасибо сказать. (Ивану) Анатолий занят какими-то своими важными думами, ему не до меня?.. Я ведь тогда, как сунул голову в коробку с голубями, так и почувствовал всю свою нечистоту... У нас ведь ещё отец голубей держал и у меня с малолетства душа с ними в небе парила!

АНАТОЛИЙ. (оживая) Я это не только для тебя сделал, хотел и своё детство вернуть...

САНЬКА. Ладно. Пошёл я к тётке Анюте, баньку истопил, выпарился. Когти, лохмы свои состриг. Полез на голубятню сетку поправить, да и голубей туда твоих запустил...

ИВАН. А жена-то как? Не фыркала на голубей-то?

САНЬКА. А вот слушай. Тут смех и горе. Увидела она меня прибранного и к столу позвала. А Генка, сынок мой, котлетки мне подсовывает... Заревел я тут, слёзы рекой в тарелку льются. Жена с Генкой, глядя на меня, тоже плачут... Пошёл я в свою кладовку, где жил, вытащил свою заначку и отдаю жене... Я ведь, хоть и пил, а не было, чтоб не работал. Где-нибудь, а хребет гнул!

АНАТОЛИЙ. Я рад, что у тебя всё хорошо...

САНЬКА. Погоди, это ещё не всё. Полезли мы с Генкой на голубятню, а жена, запрокинув голову, кричит: Крышу чтоб покрасил и эту свою голубятню. А то смотреть срам! «Покрашу, кричу в ответ, конечное дело!» А Генка тоненьким голоском : Покрасим!.. Так что спасибо тебе, что не поверил мне, когда я тут перед тобой залупался...

Звонит мобильник, Анатолий отходит и разговаривает резким тоном.

САНЬКА. (понимающе) Занятой, озабоченный человек! И тут дела донимают... (потоптавшись) Заскочу в другой раз...

Уходит.

Эпизод второй.

Здание кирпичного завода, проходная. На две стороны от неё расходятся асфальтированные дорожки в заросли кустов акации, где видны по края решетчатые скамьи. Слева на скамье сидит пара пожилых людей. У проходной расхаживает Зинаида, справа виден угол её автомобиля.

Выходит Тоня в спецовке и фартуке, голова повязана платком, под него убраны волосы.

ЗИНАИДА. (рассматривая её) Да я, кажется, где-то видела тебя, девочка...

ТОНЯ. (сухо) Я с вами незнакома.

ЗИНАИДА. Я сестра Анатолия Ивановича. Он-то знаком тебе?

ТОНЯ. (с облегчением) Он, что, улетел, наконец-то? И прислал вас сказать об этом?

29

ЗИНАИДА. Нет, не улетел. Он даже не знает, что мне вздумалось посмотреть на тебя. Советую не говорить ему об этом...

ТОНЯ. Это уж как выйдет.

ЗИНАИДА. Ваши отношения принимают опасный оборот. Известно, что влюблённый лишается разума...

ТОНЯ. Да. Он просит меня ехать с ним. Я думаю, это глупо!

ЗИНАИДА. (с содроганием) А ты-то как?

ТОНЯ. Мне и тут хорошо...

ЗИНАИДА. (с облегчением) Вот, вот... Это самое твоё место!

ТОНЯ. (сухо) Об этом не вам судить...

ЗИНАИДА. О-о! Да ты может, только прикидываешься кошечкой? Ждешь, чтоб он разгорячился, золотые горы пообещал? А?

ТОНЯ. Мне надо идти. Меня работа ждёт.

ЗИНАИДА. Подождёт твоя работа! Ты знай, Анатолий не последний человек в столице. А тут ты... Сопоставь, если можешь...

ТОНЯ. Если б он согласился жить в моём доме, я б ещё подумала. Он хороший парень!

ЗИНАИДА. Ты что, сдурела? Да у него в Москве миллионные дела....

ТОНЯ. Тогда и говорить не о чем. Вы ему скажите, чтоб не приходил. А то явится, сядет и всё смотрит-смотрит на меня. Молчит... А мне нехорошо.

ЗИНАИДА. Ну, нет. Как привадила, так и отвадь...

ТОНЯ. Я не смогу. У него такие печальные глаза...

ЗИНАИДА. (в недоумении) Молчит и смотрит? Не похоже на Анатолия...

ТОНЯ. Когда он заговорил со мной первый раз, то так горячо покраснел. Такой представительный мужчина!

ЗИНАИДА. (про себя) Покраснел. Это уж серьёзно... (Тоне) Только ты не вздумай пожалеть его!

Тоня идёт в проходную, Зинаида смотрит ей в след.

ЗИНАИДА. Она бы могла скрасить брату отпускные денёчки. Не более того. А потом денежки ей в лапку и прощай!.. А тут покраснел! Надо же...

Хочет идти к машине, но тут к ней, встав со скамьи, подходит мужчина в стареньком плаще и чёрных очках.

ЗИНАИДА. (вскрикивает) Папка! Ты что тут делаешь в таком виде?

ИВАН. А вот Антонину от тебя стерегу. Что ты ей наговорила? Какую пакость задумала?

ЗИНАИДА. Пап, я ведь с Толиком еду. Зачем нам какая-то чужая женщина?

ИВАН. Какая же чужая, если твой брат её полюбил!

ЗИНАИДА. Да разве в Москве нельзя найти получше?

ИВАН. (вне себя) Цыц, паскудница!.. Он полюбил... Мы с мамой бога молим, чтоб всё у них сладилось... А ты тут ходишь и грязью мажешь!

ЗИНАИДА. (в слезах) Я же с Толиком еду, а тут... Я боюсь ему стать в тягость. Лишней...

ИВАН. Ты ведь про неё сплетни собираешь и сама разносишь! Татары вон говорят: Сплетник ест человеческое мясо...

ЗИНАИДА. (зло) Ты старый и ничего не желающий видеть и слышать болтун!

Поворачивается и уходит.

ИВАН. (ей в след громко) Я тебя предупреждаю: Побереги брата и перестань есть человеческое мясо! (про себя) Тут и без тебя пахнет тухлым...

Иван возвращается на скамейку к Ульяне. Они, жестикулируя, о чём-то говорят.

Входит Анатолий и начинает курсировать возле проходной. К нему подходит явно следивший за ним Федя Козырной.

КОЗЫРНОЙ. Анатолий Иванович!

АНАТОЛИЙ. (вздвогнув) Что вы преследуете меня? Я же русским языком сказал, готовьте документацию. Решать будем не здесь!

КОЗЫРНОЙ. Не в этом дело... Вы, я вижу, обошли все наши достопримечательности и остановились на этой вот... (кивает головой на дверь проходной)

АНАТОЛИЙ. Я чего-то не понимаю.

КОЗЫРНОЙ. У нас эта Антонина тоже, так сказать, в единственном виде... (подходит вплотную с угрожающей улыбкой) Мало вам красивых баб в Москве?

АНАТОЛИЙ. Ну, уж это... как сердце прикажет...

КОЗЫРНОЙ. (с напором) В столице ваше сердце-то, в Москве! А тут у вас одни только несытые глазищи...

АНАТОЛИЙ. Вы, Козырной, забываетесь!

КОЗЫРНОЙ. Всё-то вам мало, и тут кус пожирней урвать захотелось... (шипит, держа руку в кармане) Ты не боишься показываться в одиночку в таких глухих углах? Смотри, Толям, с тех пор, как ты укатил, у нас тут нравы огрубели...

Из проходной показывается переодевшаяся Антонина.

КОЗЫРНОЙ. Вон идёт... Пава! Только она не про тебя... И не надо нагнать, не у себя дома! Мотай поскорей в свою Москву... (вразвалочку уходит)

ТОНЯ. (заметив Козырного) Чего ему от вас надо? Остерегитесь, он из-за угла кусает...

АНАТОЛИЙ. (горько) Против таких Федек я найду средство...

ТОНЯ. Ходит и ходит сюда. Дом выстроил, в жёны зовёт. Пусть убирается со своим жирным брюхом... От живой жены жену ищет!

АНАТОЛИЙ. Вот и я хожу и хожу... А у меня времени в обрез!

ТОНЯ. Езжайте и делайте свои неотложные дела.

АНАТОЛИЙ. Если я и найду силы уехать от тебя, только ты уж из меня никогда не уйдёшь. А как мне жить в таком раздразе? (горячо) Если ты не хочешь жить совместно и даже поехать со мной и глянуть одним глазком на то, куда я тебя зову, то мне хватило бы того, чтоб ты была рядом. У меня земли хватает. Я тебе выстрою точно такой же домик, сад посажу, огород, палисадник, герани на подоконниках... Всё будет так, как тут у тебя! Только живи возле меня. Чтоб я всякий миг мог помнить, что у меня есть место на этом свете, женщина, прекрасная собой, с дочкой, похожей на неё. Что им непротивно привечать меня по вечерам, поить чаем, разговаривать... Не хочешь жить со мной, живи рядом! Мне бы только видеть тебя, слышать твой волнующий душу голос...

ТОНЯ. Толя, а как же тётка Варвара, соседка моя, что присматривает за Ольгой, или дядя Степан, что следит за сохранностью моего забора? А как же мама с папой, разве они поймут меня? А этот лес, горы, пруд и моя Есауловка? Нет, ты это плохо придумал...

АНАТОЛИЙ. Что же мне делать? Я не могу без тебя! Умереть, что ли?

ТОНЯ. Ну что вы! Вас ждут такие интересные и важные дела...

Убыстряя шаг, уходит.

АНАТОЛИЙ. (стоит, схватившись за голову и пошатываясь) Да будь они прокляты эти важные дела!.. Ушла! И головы не обернула в мою сторону...

Со скамейки встаёт и подходит к нему Иван, за ним идёт Ульяна.

ИВАН. Толя, сын! Ну, что уж так убиваться-то... Будь мужиком!

АНАТОЛИЙ. (вздвогнув) Отец! И ты, мама? Вы-то тут откуда?

ИВАН. Да вот, ты к нам не ведёшь Тоню, так мы решили посмотреть на неё со стороны...

УЛЬЯНА. Приятная девушка твоя Антонина...

АНАТОЛИЙ. Моя! Да она вообще стала меня избегать... В дом не пускает, а выйдет, так ведёт гулять на пустырь... Я не понимаю, что происходит!

УЛЬЯНА. Она стесняется тебя... Побаивается тебя и того, что ты ей обещаешь... Потому и сторонится.

АНАТОЛИЙ. Да не нужен я ей никакой... Уезжай, говорит.

УЛЬЯНА. Толя, спокойно езжай себе. Тоня права. Я думаю, она уже привыкла к тебе, привязалась. Ты уедешь и она заскучает по тебе...

ИВАН. Ты примчишься через месяц-другой и у вас всё уладится!

АНАТОЛИЙ. (вздыхнув, недоверчиво) Вы думаете? Хорошо бы так-то...

УЛЬЯНА. (с ласковой строгостью) А сейчас чтоб домой шёл! Нечего себя изводить... Отоспишься, а по утру видно будет... Мы ждём тебя!

Взявшись под руку, уходят.

Возвращается переодевшаяся Антонина и сразу устремляется к Анатолию.

ТОНЯ. Толя, я хотела скрыть от тебя... Милый Толя, (он так и подался к ней) три дня назад – помнишь, сильный дождь был? – ко мне в дом Павлика привезли...

АНАТОЛИЙ. (так и отпрянул от неё) Какого такого Павл...

ТОНЯ. (в слезах) В голове пробоина, нога сломана, внутренности отбиты... Трясётся и всего боится. Зашла как-то в спальню, а он скатился на пол и под кровать... Будем лечить... (плачет) Только навряд ли...

АНАТОЛИЙ. (опустив голову) Где же он был твой Павлик?

ТОНЯ. В московских подвалах под конвоем консервы паковал, водку палёную... Три раза бежал, на третьем разе на нём и отыгрались. Бросили умирать на обочине дороги... Тут его подобрала добрые люди и в больницу, а он там стал бинты рвать: Хочу умереть на руках жены! Вот его и доставили ко мне...

АНАТОЛИЙ. А что делать мне? Я пропаду без тебя!

ТОНЯ. (удивляясь) Но ведь Павлик нашёлся!

Анатолий поворачивается и идёт от неё, ничего не видя перед собой. Тоня со страданием глядит ему в след.

Эпизод третий.

Вечер. Сияющие окна ресторана, широкие стеклянные двери, мраморные ступени от дверей. Сбоку от лестницы в сквере на скамье сидит, свесивши голову до самых колен, Анатолий. Он тяжело пьян.

Появляется пронырливая мужская фигура запущенного вида, он тоже под мухой. Видит отсыревшего Анатолия и начинает осматривать его с головы до ног.

ПРОНЫРА. Ага, ещё один куль кемарит... Видно, что не с ветру господин! Может и тут чем разживусь...

Боком подсаживается к Анатолию и легонько ощупывает в области боковых карманов.

ПРОНЫРА. Парень, а парень, ты живой? (заглядывает снизу ему в лицо) Да ты, мать твою, что зубом-то скыркаешь? Жизнюха, что ль, даванула? Она, сука, такая, не разбирает... (внятно, как глухому) Тебе, говорю, выпить надо! Сразу полегчает... Есть у тебя наличность-то какая-нибудь? Бабки, говорю, е? (тычет Анатолия в бок)

Анатолий поднимает голову и слепо смотрит на него, лицо у него в слезах.

ПРОНЫРА. Чего сопля-то распускать! Гони, сколько есть, я живо смогаюсь... Раз-два и тут буду с бутылкой!

Анатолий, пошарив во внутреннем кармане, вынимает купюру, проныра выхватывает её и, отпрыгнув, рассматривает – крупная!

ПРОНЫРА. Да перестань рычать. Сейчас притащу.

Радостно убегает.

С аллеи к скамье подходит всё озирающий кругом Санька Чекмарь, видит Анатолия, облегчённо вздыхает и присаживается к нему.

САНЬКА. Вот ты где! Всё лицо мокрое... Пьяный, что ли? Я был у твоих, они в большом беспокойстве... Тетя Уля говорит, что на тебя страшно было смотреть, когда ты из дома уходил. Глух, нем и лицом чёрен... (помолчав) Мы, говорят, не знаем, где он. Ты, Саня, разыщи и приведи его. Он тебя послушает...

Хочет Анатолия поднять, тот противится.

САНЬКА. (громко) У отца с матерью сердце обрывается за тебя! Где он, как он там, наш мальчик... Пойдём домой.

На этот раз Анатолий поднимается, пошатываясь.

САНЬКА. Набрался же ты...

АНАТОЛИЙ. Я, Санёк, не пьяный. (едва ворочая языком) Я тяжёлый и несчастный... А водка меня не берёт...

САНЬКА. Ты один, что ли, харю-то рубил?

АНАТОЛИЙ. А кого мне надо? Тот, кто нужен мне, гонит меня...

САНЬКА. Ну-у... Выпивку надо обставлять душевным толковищем. Так намного легче переносить...

Появляется запыхавшийся проныра.

ПРОНЫРА. (трясет бутылкой в руке) Вот она миленькая! (Саньке) Ты его друган, что ли? Пусть сразу же со стакан дёрнет. А не то костыли может откинуть!

САНЬКА. Ты за водкой, Толям, посылал?

ПРОНЫРА. Ты б послушал, как он тут зубом сфыркал! Лучше дай ему заглотить...

САНЬКА. (забирая бутылку) Ты сколько ему дал?

ПРОНЫРА. Ты ко мне не вяжись! Сколько... Я дело своё сделал!

Отходит и при свете фонаря пересчитывает оставшиеся деньги.

ПРОНЫРА. Сколько... Все мои!.. Обрывать надо...

Проворно скрывается.

По ресторанной лестнице спускается хохочущая кучка молодых людей. За акацию, где стоит скамья и препираются Анатолий с Санькой, заглядывает красивое женское лицо.

ОКСАНА. Ой, кто это тут? Анатолий Иванович, вы? Немножко перебрали? Мы тоже навеселе! Ха-ха-ха... Вы, наверное, у стойки внизу сидели? Поднялись бы наверх и мы бы вместе поужинали... У нас солидная компания.

АНАТОЛИЙ. (смотрит на неё, искривившись) Жанна! Женщина без изъяна!

САНЬКА. Что ты! Это ж Оксана Прокопьевна...

ОКСАНА. А ты-то откуда меня знаешь?

САНЬКА. Кто ж вас в городе не знает!

АНАТОЛИЙ. Ты, Санька, не путай меня! Все они Жанны... А вот ты, Жанна, поехала бы со мной?

ОКСАНА. В Москву? Ха-ха-ха... В качестве кого?

АНАТОЛИЙ. Все вы Жанны и все на одну колодку... Так поехала бы?

33

Дёргает её за руку и она плюхается на скамью рядом с Анатолием.

ОКСАНА. Ха-ха-ха... Прямо сейчас?

АНАТОЛИЙ. Да... прямо сейчас... Нет, скажем, завтра?

ОКСАНА. Но всё же... Кем же я буду вам приходиться?

АНАТОЛИЙ. Вот. Это по деловому. Так и надо! (обнимает её за плечи)

Оксану зовёт её компания.

ОКСАНА. (высвобождаясь и баловливым голоском) Вам, Анатолий Иванович, надо проспать...

Тогда можно и поговорить.

Убегает, махнув ручкой.

АНАТОЛИЙ. Вот. Эта бы поехала! Поманил бы и поехала... А та... та мной пренебрегла...

САНЬКА. (вертит бутылку в руках) Может, глотнём понемногу? Не хочешь?... Ты всё про Тоньку, что ли? Она и на деньги не клюнула? Вот, дурища...

АНАТОЛИЙ. Ты, Санька, идиот... Ничего не понимаешь!

САНЬКА. Да я ничего... так... Тонька – гарна дивчина... Да после всего этого ею должен гордиться город...

АНАТОЛИЙ. Должен гордиться... Да.

САНЬКА. Бригадирша! Знаешь, у неё мужики при ней не смеют по матерному вякнуть... И всё без крика, одним только взглядом!

АНАТОЛИЙ. У неё в доме муж... Павлика ей привезли...

САНЬКА. Слышал. Только говорят, он не жилец. Искалечен весь!

АНАТОЛИЙ. (криво усмехаясь) Вот и видно, что ты совсем не знаешь Антонину. Да глядя на неё и слыша её голос, можно не одну жизнь прожить! В ней всё так просто и непритворно, что я возле неё глупел... Пацаном себя чувствовал! А ведь у меня полторы тысячи рабочих... Она, кого хочешь, может оживить... И убить тоже...

САНЬКА. Слушай, Толям... Ты, может, с женщинами того... Долгое время не водился, а? Тогда и рядовая баба покажется дивом!

АНАТОЛИЙ. А-а... (машет на него рукой) Лучше б ты молчал, Санька! (горько смеётся) Приехал я к отцу с матерью душу почистить... И вот совсем потерял её. У меня вот тут пусто...

САНЬКА. Плюнь ты на неё! Давай я тебя сведу к одной весёлой белогрудой вдовушке. Она стыдливостью не страдает и живо снимет с тебя эту порчу!

АНАТОЛИЙ. (горько) Ничего ты не понял, Санёк. Ничего!

Обидевшись он устремляется вдаль по аллейке.

САНЬКА. (догоняя его) Слушай, тут у нас шухарит одна шайка, так ты в случае чего не ввязывайся. Я сам с ними поговорю.

АНАТОЛИЙ. (роясь в карманах, достаёт пистолет) Кто? Да я, Саня, в их харях дырок понаделаю...

САНЬКА. (пугаясь) Убери ты это. Они тоже за поясом кое-что носят...

Он поддерживает за локоть Анатолия и они уходят.

Эпизод четвёртый.

Уже знакомый нам дворик дома Антонины, крыльцо и два окна. Через огороды видна водная гладь пруда. В калитку осторожно ступает Анатолий, он в чёрной тройке и при галстуке. Всё кругом с грустной усмешкой оглядывает, словно прощается.

АНАТОЛИЙ. Всё мне тут родное. Будто я тут жил не один год. Жил и даже хозяйствовал!..

Смешно... Я деловой человек, меня ждут срочные дела, а я, как мальчишка, стою под окнами и прошу милостыньку... Работать тебе надо, Толька, работать, не покладая рук! А ты прокрался в чужой двор и робеешь вызвать к себе хозяйку...

34

На крыльцо из дома выходит Антонина с ведром в руке.

ТОНЯ. (видит Анатолия и вскрикивает) Ой, напугали вы меня! (оглядывает его) Надумали ехать? Я могу только порадоваться на вас. Как это умно с вашей стороны!

АНАТОЛИЙ. (горячечно, сбиваясь) Да...да... Приехал я недельки на две у родителей погостить и вот... Второй месяц кончается!.. Надо было что-то решать... Мне не жить без тебя! И вот что я надумал. Выстрою на пустыре рядом с тобой большой и красивый дом. Уж это-то мне никто не может запретить!.. Пройдут годы и ты привыкнешь ко мне... По крайней мере, я буду на это надеяться... И жить...

ТОНЯ. (испугавшись) А вот это речь какого-то безумца...

АНАТОЛИЙ. (отчётливо и твёрдо) Мне без тебя не жить... А так, как я жил с запертой душой, я уже жить не смогу...

ТОНЯ. Вы всё о своём да про своё... (смотрит на него жалостливо и в то же время не может сдержать своей радости) Милый Толя, а ведь мой Павлик запел!

АНАТОЛИЙ. (отшатнувшись от неё) Как запел? Он же к тебе умирать приехал...

ТОНЯ. Ну, умирать... Какая жена в такие годы даст мужу умереть... Сдёрнул со стены гитару и запел!

АНАТОЛИЙ. (уронив голову) А я ещё имел глупость на что-то надеяться...

ТОНЯ. У вас, Толя, маленько самолюбие уязвлено... Это пройдёт! Вы, Толя, хороший парень.

Вынашиваете такие грандиозные планы! Пусть они у вас все сбудутся...

Добро улыбнувшись, она уходит в дом.

АНАТОЛИЙ. Ничего себе! Говорила, что привезли при последнем издыхании, а он запел... Мертвец ожил!.. Да этого и надо было ожидать. Один её голос способен поднять человека со смертного одра... И её Павлик запел. С каким светящимся лицом она это сказала! Я вот стучу в свою грудь и слышится пустой звук. Что осталось в ней, так это мерзкая и склизкая жаба – тоска...

Темнеет, в окнах зажигается свет. Анатолий обходит вокруг дома и, пригибаясь, заглядывает в уголки окон.

АНАТОЛИЙ. Нет... Чужую жизнь не украсть и не приспособить к своей... Ох, а ветер-то какой, так голову и сносит. Да что мне ветер. Пусть само небо обрушится на мою голову, я буду только рад...

(сажаясь на крыльцо, охрипшим от несчастья голосом) Это она мне душу опустошила, она!

(нащупывает и вынимает из кармана небольшой пистолет) Хорошая штука! На все случаи жизни годится...(встает и потрясает пистолетом) А ну-ка выйди ко мне, ступи через порог! Покажись мне ещё разок, живое ты чудо! Щёлк – и ты не достанешься никому, ни мне, ни запевшему вдруг своему Павлику!.. И растворится в этом раздирающем сердце ветре и ты сама, и твой диковинный голос! Выйди!

В ужасе отскакивает от крыльца.
Чу! Шаги за дверью... Не надо, не выходи ко мне. Уж лучше я сам устранюсь... Ведь мне тебя и попрекнуть не в чем! Ты мне ничего не обещала, ни в чём не клялась... Я это всё сам себе намечтал!.. Живи себе своими тихими радостями, живи и пой со своим ожившим Павликом. Это уж не моя жизнь... Прощай!

Бежит через огород к пруду, в кармане его трещит мобильник, он выдёргивает его из кармана и закидывает в кусты.

АНАТОЛИЙ. Радуйся и ты, Бронька. Твоя взяла!

Скрывается из вида.

35

Эпизод пятый.

Слева виднеется край дома Антонины, забор огорода и прямо – побережье пруда, пустырь. Смеркается, с пруда доносятся какие-то крики. От берега идут истерзанный и грязный Санька и Пётр с рюкзаком и велосипедом.

САНЬКА. (всхлипывая) А ты-то, дядь Петь, как тут оказался?

ПЁТР. Так ведь... Ехал с участка своего, слышу шум какой-то... Горе, горе-то какое, Саня!

САНЬКА. Он ещё вчера должен был уехать, а всё тянул. Крепкую петлю на него Тонька накинула... Всё думал порвать и рвануть... Не удалось! А я хотел с ним проститься и выслеживал. Да и тётя Уля просила... Хотел выпить с ним на прощанье. Когда, думал, увидимся! А он вон что выкинул...

Сидят на траве и горестно молчат.

САНЬКА. Ведь одиночки-бабы с детьми у мужиков неходовой товар... Он, может, и думал, что Тонька, ничего не видавши, за ним потянется... Но как оказалось, не все перед деньгами тают...

ПЁТР. Нет, Саня, тут другое... Влип он. Полюбил!

САНЬКА. Вижу я, вокруг её дома кружит, в окна заглядывает... Глянул да как крикнет что-то, рукой взмахнул и бросился к пруду бежать. Да прямо в лодку! А дощаник бросовый, воду пропускает, так он быстро-быстро руками загрёб... А я вдоль забора побежал и ещё крикнуть хотел: Не в Москву ли он на этом дырявом корыте погрёб!?!.. Только смотрю, выгреб он на глубину, распрямился во весь рост, пушку из кармана вынул и в пруд бросил. Зачем-то галстук поправил да и – бултых!.. И тут же всё тихо. Вода сразу приняла его... Тут я и заорал: Лодку! Лодку! Человек в воде!

От пруда слышатся голоса и какая-то возня.

САНЬКА. Какое там, разве найти... Там земснаряд черпал, багром не достанешь.

Горестно молчат.

САНЬКА. А всё Тонька, сука! Нет, чтоб к богатому мужику пристроиться... Я его, дядь Петь, звал в одно место сходить. Баба-ягода! А он мне, знаешь, что на это сказал: Ты что, мол, мне предлагаешь, мешок для трухания!?

ПЁТР. (суётся головой Саньке в плечо) Горе-то какое... Непособимое... Как мы, Саня, Ульяне с Иваном скажем?

САНЬКА. (испугавшись) Только не я! Я не смогу... У меня от этого вина нервы стали жидкие... Я разревусь...

ПЁТР. А я, значит, каменный?

САНЬКА. Ты, дядь Петь, старый коршун. Всё перетерпел... Да и дядя Ваня тебе друг...

Пётр пропаще машет рукой, берёт с земли велосипед и уходит по дороге. Санька бросается ничком в траву, слышны громкие всхлипы и скрежет зубов.

С пруда слышатся крики, подходят люди, переговариваются.

ДРЕБЕЗГЛИВЫЙ МУЖСКОЙ ТЕНОРОК. Тут глубоко! Да и вода суровая...

ДЕЛОВИТЫЙ ГОЛОС. Для такого дела и тазика бы хватило, коль надумал...

МУЖСКОЙ ТЕНОРОК. Сам, что ль, мырнул? Ну, это безработный! У нас на той неделе один с пятого этажа метнулся. Ходил-ходил по городу, везде начальники залупаются. Он и сиганул! Сколько, мол, можно унижаться...

ГОЛОС ДЕЛОВИТОГО. Какой безработный? Воротило из Москвы, деньгам счёта не знал!

ЖЕНСКИЙ ЖАЛОСТЛИВЫЙ ГОЛОС. Денег-то нагрёб, а душу-то, видать, до дна вычерпал...

ГОЛОС ДЕЛОВИТОГО. Тьфу, дураки!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Из Москвы и в воду! А ведь, поди, ребяташки были...

УГРЮМЫЙ БАС. Воротило, говоришь? А, смотри-ка, нырнул... Тоже человеком был!

36

Слышны скрипы остановившейся машины. К кучке народа подходят силуэты двух молодых женщин.

ЖЕНЩИНА. Мы из администрации. Что тут у вас?

МУЖСКОЙ ТЕНОРОК. (услужливо) Человек с жизнью счёты свёл...

ЖЕНЩИНА. Какие счёты! Пьяный, наверное, был.

УГРЮМЫЙ БАС. Никак нет... Вашего же сословия. Приехавший из Москвы богач...

ЖЕНЩИНА. (хватаясь за голову) Господи, да уж не Анатолий ли Кокорин!

УГРЮМЫЙ БАС. По всему, он и есть!

Женщина идёт к машине.

ЖЕНЩИНА. Вот городу-то стыд! Такого человека не уберегли... И ведь нашёл на чём свихнуться...

На какой-то девке-кирпичнице с ребёнком! Мне его сестра жаловалась... (и уже садясь в машину) А ведь я могла его осчастливить!

Уезжают.

Ещё пуше смеркается. Видно освещённое окно и фонарь над крыльцом дома Антонины. Едва доносятся гитарные переборы и тихо льющаяся песня:

Ах, зачем, зачем, зачем
Я ходил к прелестной?
А затем, затем, затем
Чтобы жить не пресно!
Чтобы жить и не тужить,
Жёнкой любоваться.
Ей на цыпочках служить,
Млеть и распинаться!
Всё ходил, добра сулил,
В слуги набивался.
Ничего не выходил,

На бобах остался...

ЗАНАВЕС.

